

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ЯРОСЛАВСКОЕ ШОССЕ

Владислав
Выставной

Кремль 2222

Владислав Выставной

Кремль 2222. Ярославское шоссе

«АСТ»

2015

Выставной В. В.

Кремль 2222. Ярославское шоссе / В. В. Выставной — «АСТ»,
2015 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-088592-3

С Зигфридом, последним воином народа вестов, пытается расправиться наемный убийца. Нити расследования ведут далеко за кремлевские стены. Более того – они ведут в прошлое. Забытое чувство мести толкает воина в дальний поход. Вслед отправляется его лучший друг – Книжник. Дружья не знают, какая угроза нависла над ними, какие темные силы стремятся дотянуться до последней цитадели цивилизации – Кремля. Путь далек, и не дано знать, удастся ли дойти до конца. Но ты не раскроешь тайну смертельного врага, пока не заглянешь в его глаза.

ISBN 978-5-17-088592-3

© Выставной В. В., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владислав Валериевич Выставной

Кремль 2222. Ярославское шоссе

© В.В. Выставной

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Крик ужаса прорезал тьму.

Загнанным зверем эхо металось среди бетонных стен, и Книжник не сразу осознал, что кричит он сам.

Прямо в лицо мертвыми провалами глазниц смотрела оскалившаяся мумия в простреленной каске. Он судорожно бился, пытаясь вырваться из мертвых объятий, чтобы избавиться от вязкого, обволакивающего запаха смерти. Но они были повсюду – застывшие мертвецы в истлевшей форме, продолжавшие сжимать ржавое оружие.

Угроздило же свалиться в самый центр бункера, ставшего братской могилой. Надо успокоиться и взять себя в руки. Это непросто, когда ты только что едва избежал гибели, а теперь оказался в компании мертвых.

– Спокойно! – пробормотал он в лицо мертвому солдату. – Это всего лишь покойник. Мертвые не кусаются – так Зигфрид говорит, верно?

Он с трудом подавил в себе новый вскрик: голова солдата качнулась назад и с хрустом отвалилась. Книжник оттолкнул от себя обезглавленное тело, с трудом поднялся на ноги. Огляделся.

Сюда едва пробивались слабые лучи электрического света из люка над головой. Оттуда он и шлепнулся, спасаясь от пуль.

Когда-то эти укрепления стали непреодолимым заслоном на пути врага, всеми силами рвавшегося к Кремлю. Последний рубеж – скрытая система обороны, протянувшаяся по всей окружности Садового Кольца. Здесь все было нафаршировано смертью. Каждый дом, каждый люк, каждый квадратный метр асфальта – все было частью единой системы обороны. Тщательно замаскированные огневые точки, ракетные установки и секретные излучатели, поджаривающие живую силу врага и сводящие с ума боевых роботов.

Последняя Война не знала пощады.

Но с тех пор прошло добрых двести лет, и все давно вышло из строя. Не считая фонового излучения Садового Кольца, по-прежнему способного убить каждого, кто перейдет улицу в неположенном месте.

Кто бы мог подумать, что не все автоматические огневые точки протухли? Самое мерзкое, что вышедший из спячки автомат подло подпустил человека поближе и открыл огонь практически в упор, с каких-то пятидесяти метров. Хорошо еще, прицел был сбит – наверное, перекосило за долгие годы. Да не успел пристреляться – первая очередь прошла мимо, вторая – уже ближе, а третья – аккуратно над головой. Можно не сомневаться – следующая партия пришла бы в мягкое. И кто это сказал, что за двести лет патроны выходят из строя? Что их, мол, надо специально восстанавливать, выдерживать в особом Поле Смерти, как это делают маркитанты...

Поле Смерти. Книжник в досаде застонал: он ведь сам наблюдал, как два дня назад горячее марево Поля переползало через Кольцо – в этом же самом месте! Не оно ли привело в чувство дряхлого робота? Ну почему он не насторожился, не подумал о такой возможности? Более того – он даже порадовался тогда, понадеялся, что Поле выжжет в подземельях всякую нечисть, расчистив ему путь.

– Растяпа... – прошипел парень, пробираясь среди рассыпающихся мумий. – Самонадеянный болван! О чем я только думал?

Винил он себя, конечно, зря. Никогда не знаешь, с чем столкнешься в московских руинах. Поля Смерти здесь не редкость, и чем бояться каждого шага, проще просто лечь и покорно дожидаться, пока испустишь дух. А в планы семинариста это никак не входило.

В его планы входило отыскать старые архивы. Именно за ними он полез в эти опасные места. Если верить летописям, где-то поблизости, в этих мертвых подземельях, должен был находиться штаб оборонительного участка Последнего рубежа. Когда-то в этом секторе враг пошел на прорыв, и штабные документы не смогли эвакуировать. Возможно, уничтожить их тоже не успели. Если бумаги сохранились, информация в них была бы бесценной. Древние оперативные карты должны содержать бесценные сведения, так же, как и любые письменные свидетельства той эпохи. И далеко не только в познавательном смысле.

Карты указывают на сосредоточение ресурсов. То, что не считалось когда-то таким уж важным и ценным, в постядерном мире стало настоящим сокровищем. Расположение частей и подразделений намекало на места скопления оружия, патронов, сохранившихся вещей, материалов. Если повезет, можно отыскать и расположение складов – оружия, металлов, горючего... Но это, как говорит Зигфрид, был бы уже настоящий джекпот, рассчитывать на такую удачу наивно.

А еще Книжник жадно искал следы той забытой, прежней жизни. Той, что почти стерлась из людской памяти, оставшись лишь в выцветших фотографиях и малопонятных теперь книгах. Людям, пережившим «ядерную зиму» в тесных подземельях, трудно понять тех, кто летал самолетами на другие континенты, кто видел море и слышал настоящий прибой, кто бродил по лесам, не боясь быть сожранным голодными мутантами, кто мог просто ходить по московским улицам, не хватаясь ежеминутно за оружие.

Кремль тщательно хранил для будущих поколений знания, которые смог сберечь в Последнюю Войну. Но это были крохи – верхушка громадного айсберга погибшей цивилизации. И теперь предстояло по клочкам собирать знания и ресурсы для возрождения человечества.

Пока этим не воспользовались другие. Те, для кого люди – всего лишь пройденный этап, неудачная ветвь эволюции.

Книжник с трудом пробирался вперед, к стене. О том, чтобы выбраться через верхний люк, не могло быть и речи – автомат держал его «на мушке», поджидая добычу. Оставалось надеяться, что здесь имеется и другой выход. Не хотелось бы остаться навсегда в этом каменном мешке. А потому приходилось протискиваться среди мумий, рассыпавшихся при попытках проложить путь между ними.

Однако тела бойцов хорошо сохранились, учитывая потрясения последних двух сотен лет. На некоторых телах оставались обрывки потемневших бинтов. Это же раненые! Похоже, здесь было что-то вроде полевого госпиталя. Но отчего они все погибли? Неужели их просто бросили на произвол судьбы?!

Только теперь до него дошло, что это не просто бойцы – это те, кто защищал его предков и его родину! Это те, что отстояли Последний рубеж, не пустили врага к стенам Кремля. Те, благодаря кому он вообще получил возможность появиться на свет.

Неизвестные герои Последней Войны.

Книжник оглянулся на свой путь, проложенный в сплошной массе мертвых, вытер холодный пот со лба. Трудно признать, но этой груде иссохших тел он обязан жизнью – они смягчили удар при падении, как картонные ящики в каскадерском трюке.

– Простите меня... – проговорил он. – Так уж получилось.

Он перевел взгляд на мумию офицера, преградившую ему путь. Погоны на выцветшем камуфляже майорские.

– Майор, мне туда надо, – виновато сказал Книжник. – Ты уж извини...

Он попытался протиснуться между майором и рядовым с забинтованным лицом. Тело офицера тихо треснуло – и вдруг осыпалось прахом. Книжник лишь вздрогнул и тупо уставился на горку пыли, в которой выделялись лоскутки ткани, тусклые звездочки, пряжка, пистолет... И еще что-то, присыпанное прахом. Похоже на уголок книги.

Рука сама потянулась к предмету, взяла, осторожно смахнула пыль. Это была большая, разбухшая записная книжка со скругленными углами, в переплете черной искусственной кожи. Когда-то она была перетянута резинкой, но владелец заменил ее на широкий стальной зажим. С трудом раскрыв упругий зажим, Книжник осторожно открыл задубевшую обложку.

Желтые страницы по краям были бурыми от крови, первая была выдрана с ключьями. Если на ней было имя владельца, то теперь его, скорее всего, не узнать. Но остальной текст, написанный четким, ровным почерком, читался без особого труда. Писали, наверное, синей «авторучкой» – предметом, давно исчезнувшим в новом мире, в котором бумагу заменила специально обработанная береста, а ручку – острый стилос.

«...должны подвезти боеприпасы. Бойцы настроены решительно. Ждем подкрепления. Подойдут наши танки – врежем гадам по полной...».

Сердце забилось чаще. Книжнику еще не приходилось читать личные записи. А в его руках, похоже, дневник настоящего защитника города времен Последней Войны. И пусть он не нашел здесь архивов – возможно, в руки попало нечто не менее ценное.

Книжник закрыл блокнот, зафиксировал страницы зажимом и спрятал в нагрудном кармане камуфляжной куртки. Погладил карман, словно проверяя, действительно ли существует находка, и продолжил путь к стене.

Ему повезло. Выход здесь действительно имелся. Более того, тяжелая герметичная дверь была открыта. Наверное, сюда уже заглядывали мародеры, но не увидев ничего ценного, даже заходить не стали. А может, их отпугнул вид мертвецов. Хотя кого может напугать мертвец в этом хищном городе?

Выбравшись в коридор, Книжник быстро осмотрелся. По правую руку путь был завален рухнувшими бетонными перекрытиями – наверное, когда-то над этим местом рванул специальный боеприпас, предназначенный для уничтожения подземных коммуникаций. Оставалось идти влево. Через несколько шагов коридор преградила массивная железная перегородка, рядом, которой в стене торчали металлические скобы. Над скобами имелся прямоугольный проем.

Что ж, выбор сделан за него. Книжник поправил на плечах рюкзак с притороченным к нему арбалетом, ухватился за скобу, стал подниматься. За проемом начиналась вертикальная бетонная труба. Похоже, такая же вентиляционная шахта, как та, через которую он провалился в это подземелье – это подтверждалось и легким потоком воздуха, ощутимо уходящим вверх. Добравшись до верха, уперся головой в бетонный козырек, осторожно выглянул наружу через щель лаза.

Вроде тихо. Вон он, козырек соседней шахты, изрешеченный очередями автоматической пулеметной установки. По нему, по Книжнику, лупила, сволочь. Но этот участок оттуда не простреливается, если, конечно, не врет евклидова геометрия.

Семинарист осторожно просочился в лаз, медленно сполз на бетон. Приятно ощутить над головой синее небо, а не готовый обрушиться на тебя бетонный потолок. Теперь осторожно прошмыгнуть вон в тот переулок – и ходу!

Ему не дали ступить и шагу. Знакомо загрохотало, вокруг взвились фонтанчики цементной взвеси. Парень невольно исполнил «танец босиком на раскаленных углях» – будто так можно было увернуться от пуль. Рухнув ничком, осмотрелся, пытаясь понять, что происходит.

Черт возьми – лупили-то совсем с другой стороны! Выходит, ожил еще один автомат. Если, конечно, огневая точка не обрела ноги и не перемещается, как охотящийся био! Последнее было бы совсем безрадостно.

Новая очередь взбила цемент почти перед самым носом. Отплевываясь от пыли, семинарист подумал, что и этот сейчас завершит пристрелку – и тогда все, шабаш! Не поднимая взгляда, он вытянул из-за спины арбалет, не глядя, вдавил рычажок электровзвода. Пропел привод, увесистый болт, щелкнув, встал в боевое положение.

Осторожно, краем глаза поглядел вперед. Вон он, глаз-прицел-дальномер, подергивается на ножке, как у какого-то насекомого. Смотреть противно. Но если всадить в него острую железку – появится шанс. Правда, вероятность попасть с такого расстояния – просто ничтожна. Но тут уж пан или пропал, как говорится...

Чтобы прицелиться, придется подняться и сесть – а это значит подставиться. Одна надежда – на то, что автомат не успел еще откалибровать прицел. Ну что, рискнем?

Раз, два...

– Три! – выдохнул Книжник, рывком садясь и вскидывая арбалет.

Прицелился.

Грохнула очередь. Пули прошли мимо, но и болт улетел не туда – рука дрогнула. Медленно, как во сне, привод взвел тетиву, пружина подала новый болт. Снова выстрел – и снова мимо.

И снова очередь. Почудилось, что щеку обдало ветром от пролетающих пуль.

Еще попытка...

Бэнг!

– Есть! – вырвалось из горла.

И тут же его отбросило мощным ударом в грудь.

Он лежал, задыхаясь, уверенный, что все – финиш. Но все же услышал, как грохнула и осеклась очередь, и увидел, как появился легкий, как тень, высокий человек с длинными светлыми волосами. В нем с первого взгляда угадывался прирожденный воин – по четкости движений, по уверенности, с которой шел на пули. В одной руке он держал меч, другой отбрасывал в сторону похожий на срубленную ветку пулеметный ствол.

– Жив? – спросил воин.

– Не знаю, – прохрипел Книжник. – Подстрелили меня, Зиг...

Зигфрид присел рядом, быстро осмотрел друга, судорожно закрывавшего пулевое отверстие. С силой разжал его скрюченные пальцы, сказал:

– Крови нет... Ну-ка, что у тебя там?

Пока Книжник хватал ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание, воин осторожно выдернул из нагрудного кармана его куртки черный блокнот.

В наружной пластине металлического зажима, пробив блокнот почти насквозь, торчала потемневшая от времени пуля калибра семь шестьдесят два.

– Порохдохлый, – констатировал Зигфрид. – А то бы тебе крышка.

– А если бы не блокнот? – заворуженно глядя на простреленный предмет, спросил Книжник.

– Та же история. Скажи спасибо этой штуке.

Воин вложил блокнот в дрожащие руки Книжника. Тот продолжал разглядывать пулю, которая должна была его убить.

Глава 1

Убийца

Хорошо вернуться домой. Живым. Просто – живым и здоровым, не скрежеща зубами от боли, не отхаркивая кровь, не волоча за собой кишки из вспоротого брюха. Просто войти в Кремлевские ворота после дальнего рейда – вот она, настоящая радость.

С глухим скрежетом разошлись передние створы – черные от копоти, помятые и восстановленные после многочисленных штурмов. Под прицелом фузей в узких боковых бойницах Зигфрид и Книжник вошли в прохладную темень арки. Внешние ворота с грохотом сомкнулись за спиной. Они оказались перед мощными внутренними решетчатыми воротами, в темном «тамбуре» под Боровицкой башней. Сейчас будет обязательная проверка, небольшой «карантин», который может закончиться по-всякому. Потому что проводят его те, кто не доверяет никому и никогда.

Опричники. Серые псы Тайного приказа. Неизбежное зло, настоящие фагоциты маленького анклава человечества. На чужаков у них нюх. Зигфрид для них – безусловный чужак, враг, чужеродное семя, лишь волей князя объявленный союзником. Книжник – подозрительное лицо, возможный предатель, «пятая колонна», как говорили когда-то.

Хорошая репутация у этой парочки, ничего не скажешь. Правильно говорят: не делай никому добра – не получишь зла. Только для них потребность помогать людям – это такое же свойство души, как для некоторых – непреодолимое желание творить подлости.

– Пароль говори! – потребовал гулкий голос откуда-то из-под свода.

– «Последний рубеж», – отозвался Книжник.

– Пароль-то старый называешь! Сменили его.

– Кончай дурака валять, – произнес Зигфрид. – Не видишь, издалека мы, устали. Или это новое правило такое – своих мучить?

– Ладно-ладно, – проворчал голос. – Вижу, что свои. Эй, там, поднимай решетку!

Решетчатые ворота с лязгом и грохотом поползли вверх. Створки внутренних ворот были раскрыты, и они вышли из-под арки. Но это еще не все. Их встречает группа здоровяков в рясах. Воины-монахи, отвечающие за охрану ворот. Глядят, как сверлят. Вперед вышел дьякон – глава стражи.

– Ну, где бывали, путники? – поглаживая бороду спросил он.

– На Садовом, – честно сказал Книжник. – В подземельях – архивы искал.

– Заразу ты искал древнюю, – неодобрительно сказал дьякон. – Знаешь же, что нельзя в подземелья заглядывать. Можно эпидемию в Кремль притащить.

– Имею разрешение князя, – возразил Книжник. – Поручено информацию искать – карты, записи, по возможности сохранившиеся склады. Кремлю ресурсы нужны, а где их возьмишь, если не искать?

– Вера Кремлю нужна, а не ресурсы, – проворчал дьякон. – Будет вера – Господь пошлет все остальное. Тебе ли не знать – тебя же в Хранители Памяти прочили?

– Так я же и отказался от сана, – возразил Книжник. – Хранитель волен лишь сохранять, что осталось. Я же ищу новое. И не для себя ищу – для всех нас.

– Ну и помогай Господи! – отмахнулся дьякон. Кивнул подчиненным: – Давайте их в дезинфекцию!

Долговязый монах вышел из строя и поманил за собой. Путников завели в небольшую каморку, выдали по изрядно потрепанному респиратору. Дверь за спиной закрылась.

– Дышать не советую, – пробасил снаружи монах. – И глаза берегите.

– Спасибо за заботу, – отозвался Зигфрид, натягивая маску.

Не успел он договорить, как с потолка ударили тугие белесые струи. Дезинфицирующий газ на основе хлора: неизвестно, еще что вреднее: гипотетическая эпидемия или этот яд.

Впрочем, долго их не мучили. В отсутствие реальной угрозы такая процедура скорее формальность, чем необходимость. Зачастую дезинфекцией просто пренебрегают, но, видать, дьякон решил проучить Книжника и его спутника за вольнодумство.

– Выходи! – позволил долговязый монах. – Свободны.

– Спасибо на добром слове, – проворчал Зигфрид, срывая маску и отряхиваясь.

– Эй, чужеземец! – окликнул Зигфрида другой монах, торопливо проходивший мимо. – Тут тебя спрашивали.

– Кто спрашивал? – отозвался тот.

– А шут его знает, кто он такой. Где, говорит, вест по имени Зигфрид? Я сказал, что в сторону Ивановской пошел – не знал, что вы тут на дезинфекции торчите.

– Так прямо и спросил? – нахмурился воин.

– Ага... – монах вразвалочку отправился дальше.

– Постой! – крикнул Зигфрид. – А чего ему надо?

– Не знаю, – бросил, удаляясь, монах. – Нет у меня времени с вами языками чесать...

Глядя вслед монаху, Зигфрид продолжал сбивать с легких доспехов ядовитый порошок. Отряхивался и Книжник, чертыхаясь и отплеываясь. От обоих поднимались облака хлорной пыли. Зрелище, наверное, было нелепое – откуда-то сбоку донесся залиvistый девичий смех. Зигфрид, нахмурившись, поглядел в ту сторону. Он не любил насмешек.

По соседству, у спаренной зенитной установки заливались смехом девушки-зенитчицы. Девки ладные, кровь с молоком, не чета тонким и бледным женщинам вестов. Книжник давно заметил, что к таким Зигфрид испытывает трудно скрываемую тягу.

Заметив внимание воина, зенитчицы прыснули с новой силой. Они откровенно разглядывали чертыхающихся, выбивающих из себя клубы белой пыли путников и не могли сдержать смеха. Наверное, со стороны это действительно выглядело забавно, и юные воительницы, не стесняясь, всю веселились.

И тут случилось что-то уж совершенно неожиданное.

Зигфрид покраснел. Суровое, будто из камня высеченное лицо густо залилось краской. Продолжая отряхиваться, Зигфрид отвел взгляд. Книжник аж рот открыл от удивления: он никогда не видел воина с этой стороны. Оказывается, и ему ничто человеческое не чуждо. С трудом подавил желание отпустить шутку на эту тему – так можно и под горячую руку попасть.

Более-менее избавившись от едких химикатов, отправились дальше. Тут уж мимо зенитчиц никак не пройти. Девушки насмешливо разглядывали их, ожидая, наверное, как путники поведут себя дальше. Тоже еще, нашли клоунов.

А что тут скажешь? Девчонки красивые, просто страсть. Еще бы – носительницы D-гена, можно сказать, особая порода, элитная. Такая на простого семинариста и не посмотрит – на кой ей такой задохлик? То ли дело – Зигфрид, настоящая боевая машина. Да еще и из чужого, некогда враждебного племени. Чужаки всегда притягивают девичьи взгляды, возбуждают у девчонок любопытство и тягу к приключениям. Кремлевские ратники могут сколько угодно скрипеть зубами от ревности, да только природу не обманешь: тяга к чужеземцам оправдана глубинным стремлением вида к генному разнообразию, чего не скажешь о замкнутом мирке Кремля. А чего ходить за примером – не зря же в него, Книжника, влюбилась Хельга, дерзкая девчонка из племени вестов? Та же история, только наоборот.

Вот они стоят, скалятся сверкающими зубками, опершись на оружейную сталь. Особенно улыбчива вот эта, с черными как смоль волосами, огромными глазами и полными губами, словно вышедшая из сна сексуально озабоченного подростка. Невзначай так провела язычком по алым губкам, поправила косу – блестящую, тяжелую, с руку толщиной. Вдохнула, так нежно, тихонько – и потянулась, нарочно отвернувшись в сторону. Да грудь-то девичью так не

скроешь, и камуфляж, по фигуре подогнанный, лишь подчеркивает формы. Это просто удар ниже пояса, ребята. Прямо-таки тяжелая артиллерия.

Бедняга Зигфрид, это тебе не мечом махать, тут другая тактика нужна.

Но, похоже, воин справился с эмоциями и теперь снова выглядел непробиваемым, как бетонная стена. Что не помешало ему первым перейти в атаку.

– Хорошее настроение, дамы? – ровным голосом поинтересовался он.

Девчонки переглянулись – и снова прыснули от смеха.

– Отчего ж грустить? – с прищуром разглядывая воина, спросила темненькая. – Такие защитники у нас – живи да радуйся!

– Не прибедайтесь, красавицы, – чуть улыбнувшись, сказал Зигфрид. – Небо над нашей головой-то вы защищаете.

– Это чтобы вас, красивых, рукокрылы не утащили, – отозвалась вторая, золотоволосая и румяная, со светлыми веснушками на открытом лице, – пока вы на девушек, раскрыв рот, глазеее, а вокруг ничего не видите.

– Гляжу, вы на язык остры, – заметил Зигфрид. – У моего народа женщины более покладистые.

– И, наверное, как лед, холодные? – округлив глаза, сказала светленькая и снова хихикнула.

– А мы девушки простые, да теплые, – глядя воину в глаза, сказала темненькая. – В небо посмотрим, да вокруг себя тоже все подмечаем.

Хлопая глазами, Книжник глядел то на девушек, то на Зигфрида. «Клеят» они его, что ли? Оно-то не удивительно: Зигфрид мужчина видный, герой, да и говоря прямо – почти князю кремлевскому ровня. Ведь он сам – глава целого народа, приютившегося по соседству с Кремлевскими стенами.

– Хороши в Кремле женщины, – улыбнулся воин. Похоже, внимание со стороны красавиц потихоньку растапливало лед в его суровом сердце. – Да только слишком уж любят они свою родину. Такая, наверное, ни за что не покинет Кремль, да еще ради какого-нибудь чужеземца.

Девушки переглянулись.

– Так никто из чужеземцев пока не рискнул позвать, – лукаво сказала темненькая.

– Небось ратников наших бояться, – заметила золотоволосая. – А ратники у нас лихие, за девушками следят, никому не отдадут.

– Так уж и никому? – усмехнулся Зигфрид. Под рукавом из плотной ткани задвигались мощные мускулы.

Теперь уже смеялись все вместе.

Все-таки здорово вернуться домой. Вернуться живым и смотреть в живые улыбающиеся лица тех, кто тебе рад, кто желает тебе добра и счастья. И почему есть те, кому все это мешает, кто вечно сеет раздоры, кто жадными глазами смотрит на чужое добро, кому не терпится утопить этот мир в крови?

Вопрос риторический. Потому что все знают: есть Кремль, и есть весь остальной мир, которому Кремль – как кость в горле. Ведь Кремль – оплот человеческой цивилизации, практически уничтоженной, но все еще хранимой руками этих людей. Здесь, в Кремле, хранится Книга Памяти, наследие предков, связующее звено между прошлым и будущим. И именно отсюда начнется возрождение человечества.

Если этому не помешают нелюди, мечтающие стереть с лица Земли само воспоминание о том, что когда-то было на этой земле. Трудно сказать, отчего так вышло. Может, из-за ревности, которую испытывают к «хому» те, кто считает себя «новыми людьми». Нео, шамы, кио и прочие – все они претендуют на первенство в новой истории планеты, в которой уже нет места людям.

А может, в этом виновато само человечество? То самое, что создало великую культуру – и само себя ввергло в хаос ядерной бойни. Просто невозможно понять, что могло заставить разумных существ уничтожать себе подобных в братоубийственной мясорубке. Какие причины могли побудить людей нажать «красную кнопку»?

Книжник не понимал этого. Оттого и копался в архивах, пытаясь разобраться, в какой момент существа, создавшие величайшие шедевры в искусстве, спустившиеся в глубины океанов и поднявшиеся в космос, вдруг сошли с ума и выпустили на свободу все эти мегатонны ядерного ада? Откуда эта тяга к самоубийству?

Ответа не было. Но были вокруг родные стены, было солнце и смеющиеся девушки. И в тот момент казалось, что так и будет продолжаться вечно.

Ощущение беды пришло из ниоткуда. Странное, ни на что не похожее чувство: что-то не так. Книжник еще не испытывал подобного. Он не был воином волею судеб, его бросало в крутые переделки, и единственное, почему он все еще жив – это помощь друга. Рядом с Зигфридом можно быть уверенным: он выручит в любой ситуации.

Но сейчас что-то изменилось. Зигфрид беседовал с прекрасными воительницами, ловил взгляды и отвечал сдержанной улыбкой. Темноволосая красавица таяла под его взглядом, и можно было не сомневаться: воин нашел в ее глазах нечто большее, чем просто симпатия.

Но Книжник смотрел в другую сторону. Там, вдоль неказистых служебных сооружений деловито сновали по своим делам гражданские – рабочие, фермеры, священники, семинарские наставники. Только один выделялся среди них. Стоял посреди людского потока, и прохожие обтекали его, как остров, как какое-то инородное тело.

Вот он – «инородное»! Незнакомец вел себя как-то не так. Все здесь было ему чуждо. И он был как бы не в своей тарелке. Будто случайно оказался здесь, и никак не может привыкнуть к городской суете. И одет он необычно: вроде как кремлевский, но словно как-то... нарочито, что ли, почти пародийно. И этот нелепый длинный плащ...

Это чужак.

Книжник не успел осознать до конца данное обстоятельство, как незнакомец пришел в движение. Резко выдвинулся из толпы – и быстрым шагом направился в их сторону.

– Зиг... – неуверенно позвал Книжник.

Воин не слышал. Он был слишком увлечен беседой со своей красавицей. Книжник завороженно наблюдал за приближением незнакомца. Он еще не понимал, откуда у него это острое ощущение угрозы. Мало ли незнакомцев он видел в жизни? Даже в тесном мирке Кремля, где всего-то несколько тысяч человек, он не знает в лицо каждого. Может, ему просто показалось, и это никакой не чужак. Монах ведь сказал – кто-то искал Зигфрида. Интересно зачем?

В следующий миг незнакомец отдернул полу плаща и поднял на уровень глаз какой-то предмет. Книжник не успел рассмотреть эту штуковину. Но не нужно было вглядываться, чтобы понять: это оружие. Он и не вглядывался, он действовал. С криком: «Ложись!» – он бросился на Зигфрида и сшиб его с ног. В то же мгновение что-то упруго просвистело над головой.

Рухнув на землю, Зигфрид подскочил мгновенно, как пружина. Ему не потребовалось много времени, чтобы сориентироваться. В следующую секунду он уже мчался на этого неизвестного, торопливо пытавшегося перезарядить оружие. Еще один глухой выстрел – на этот раз прямо в грудь воину. Но не так-то просто попасть в Зигфрида, когда он видит противника: вест молниеносно ушел в сторону, и в следующую секунду всей массой сшиб незнакомца с ног.

Схватка была короткой. Зигфрид был сильнее своего врага, и вскоре тот уже корчился на земле, с руками, туго стянутыми за спиной собственным поясом.

Все это Книжник видел лишь мельком. Он смотрел в противоположную сторону – туда, где с массивной черной стрелой в груди тихо оседала на землю черноволосая красавица. Она молчала – лишь крупные слезы катились по прекрасному лицу. Она успела сделать еще пару вдохов – и кровь показалась в уголках ее губ. Золотоволосая кричала, звала на помощь, а

Книжник отчаянно пытался помочь. Но что можно сделать, когда стрела, пробив грудную клетку, вошла прямо в сердце? Слабеющими руками девушка обхватила основание точащей стрелы, и кровь толчками пробивалась сквозь пальцы. Слабея прямо на глазах, она еще попыталась что-то произнести – и затихла навсегда.

Книжник поднял глаза: рядом стоял Зигфрид. Он был почти черен. Никогда семинарист не видел, чтобы смерть производила на его друга такое впечатление. Воин повидал много смертей. Гибли его боевые товарищи и ни в чем не повинные мирные люди. Еще больше жизней отнял он сам. Но гибель девушки, которую он встретил всего несколько минут назад, потрясла его. Может, потому, что эта девушка тронула его сердце. А может, он осознал, что на ее месте должен был оказаться сам. И в этом случае красавица погибла из-за него. Тяжелая ноша, ничего не скажешь.

Вест встал на колени и сам закрыл глаза убитой.

– Что это было? – хрипло спросил Книжник.

– Наемный убийца, – сухо сказал Зигфрид.

– Кто? – изумился Книжник.

Зигфрид не ответил. Он резко поднялся и направился к пленнику, который продолжал корчиться в нескольких шагах позади. Теперь его окружали зеваки. Здесь были гражданские, несколько вездесущих мальчишек. Но вот подошла группа ратников и бесцеремонно оттеснила посторонних. Вперед с хозяйским видом вышел неприметного вида человек, удивительно невзрачный и даже какой-то серый. Но как ни странно – ратники подались в стороны, будто избегали его касаться.

Вот, значит, и опричники пожаловали. И как они только чувят, где и что происходит?

«Серый человек» тихо и быстро приблизился к телу убитой, склонился над ней, поднял взгляд на Зигфрида. Прозрачный такой, ничего не выражающий взгляд, от которого, тем не менее, становилось жутко.

– Что здесь стряслось? – поинтересовался он. И не дожидаясь ответа, констатировал, глядя на Зигфрида: – Убийство сестры-дружинницы – серьезное преступление. Что скажешь, вест?

– Что я должен сказать? – бесцветно отозвался Зигфрид. – Есть преступление – ищите виновного.

– Так по всему выходит, что ты и есть виновный, – сказал опричник.

– Вы что, белены объелись?! – взорвался Книжник. – Вот же свидетельница! Она все видела!

Он указал на сидевшую рядом с телом подруги зареванную белокурую зенигчицу. Опричник присел на корточки рядом с ней, погладил ее по волосам, вкрадчиво спросил:

– И что же ты видела, милая?

– Н-не знаю... – пробилось сквозь рыдания. – Все слишком быстро было.

– Но ведь не Зигфрид стрелял! – крикнул Книжник. – Вон он, убийца! Да расступитесь же!

Ратники оттеснили зевак. Парень бросился было туда, но замер, как вкопанный.

На земле никого не было. Пусто.

– Где связанный? – растерянно произнес Книжник. – Он же тут лежал!

– Неувязочка получается, – сказал опричник. – Убийство есть, а убийцы нет? Так не бывает. А ну, ребята, хватайте этого!

Дружинники грозно надвинулись на Зигфрида. Семинарист был уверен, что тот не даст себя в обиду, с ходу раскидает обидчиков и бросится в бегство. Ведь Книжник рассказывал ему, что значит попасть в застенки Тайного приказа. Но Зигфрид не сопротивлялся. Он позволил связать себе руки и покорно пошел с импровизированным конвоем.

– Но как же так! – семена следом, пробормотал Книжник. – Он же не виноват! Ведь это несправедливо!

– Ты тоже не обольщайся, любитель справедливости, – бросил ему опричник. – Завтра утром на допрос жду, в Тайном приказе. Пока как свидетеля, а там видно будет.

– Не имеете права! – голос семинариста предательски сорвался. – Я княжий советник!

– Знаю, что советник, – равнодушно отозвался опричник. – Иначе пошел бы сейчас вслед за приятелем. Но думаю, завтра мы и от князя санкцию получим. Потому как давно чуем: мутные вы оба – что этот грязный вест, что ты, его шавка.

Проводив взглядом ушедший конвой, он остался один – в полной растерянности, понятия не имея, что делать дальше. Возвращение домой вышло совсем не таким, как рисовало воображение. Это только кажется, что ты вернулся – и на этом все злоключения кончены, что впереди радостная и беззаботная жизнь.

Все не так. Впереди тяжелая борьба – за жизнь, за человеческое достоинство, за собственное место под солнцем. А потому нельзя сдаваться. Нельзя ныть и заламывать руки. И если друг попал в беду – нужно его выручать.

– Что же делать? – бормотал он. – Что же делать?

Книжник топтался на месте, где был оставлен связанный убийца. Взгляд упал на обрывок ремня. Парень присел рядом, внимательно разглядывая «улику».

Действительно, что сейчас в его силах? Он может пойти к князю, с прошением. Но даже если князь ему поверит – что он может ему предъявить? Положение формального главы Кремля не такое уж и простое: князю приходится находить компромисс со всеми, в том числе и с влиятельной Боярской Думой. А известно, что многие бояре с подозрением относятся к вестам, приютившимся по соседству. Для них случившееся с несчастной зенитчицей станет прекрасным поводом избавиться от лидера вестов – упечь его в темницу, а то и казнить.

Семинарист достал нож и осторожно поддел лезвием ремень. Нет, если идти к князю – то только лишь с полным набором доказательств невиновности друга. А значит, у него только один выход.

Найти настоящего убийцу.

Легко сказать. Чтобы найти этого человека, нужно хотя бы знать, кто он такой, как проник в Кремль, если он пришлый. Да и выяснить мотивы не помешало бы. Семинаристу доводилось читать старинные детективы. Из них следовало, что даже малейшая зацепка может вывести на правильный след. Точно так же, как упущенная деталь обрекает поиски на неудачу. А он даже лица этого человека не запомнил. У него не было никаких зацепок.

Не считая короткого рваного куса ремня.

Книжник нахмурился, соображая. Опытный следователь использовал бы даже клочки ткани, даже волосы с головы преступника, чтобы отыскать его. Но времена сыщиков канули во тьму веков, и приходилось все изобретать заново. Вот как бы в те давние времена искали убийцу по единственному найденному предмету? По запаху, что ли?

Точно – использовали бы поисковую собаку. Но в Кремле нет собак – вымерли все. Отвратительный гибрид – крысособака – дик, агрессивен и не поддается приручению. По крайней мере, до сих пор это никому не удавалось.

Книжника осенило: ему есть, к кому обратиться по этому специфическому вопросу.

Он долго колотил в дверь ветхой лачуги у кремлевской стены, но хозяин, похоже, не слышал. Отшельнику позволили жить здесь, в небольшой, ветхой хижине, хоть это и не принято у кремлевских. Просто пошли навстречу по личной просьбе Книжника. Старик слишком долго жил в одиночестве, чтобы смириться с проживанием в коллективных кельях, как большинство кремлевских. И это было хорошо – потому что к нему можно было наведаться, не опасаясь

лишнего внимания со стороны чужих глаз (хоть и не было уверенности в том, что опричники все-таки не отправили за ним слежку).

Наконец, за дверью раздались шаркающие шаги, дверь приоткрылась и в щели показалась половина лица с подозрительно прищуренным глазом.

– Кто это? – произнес глухой голос.

– Свои.

– Нет у меня своих. Померли все давно.

– Да Книжник это!

– А, это ты... Заходи.

Дверь распахнулась пошире, пропуская гостя. Оглядевшись на всякий случай, парень пригнулся и вошел под низкий косяк.

В тесной каморке царил полумрак. Горела лучина, на деревянном столе стояли глиняный кувшин и тарелка с хлебом. Обстановка не сильно отличалась от таковой в большинстве кремлевских жилищ – как говорится, бедненько, но чистенько.

Отличало эту лачугу только одно – здоровенная крылатая тварь, висевшая в дальнем углу под потолком. Крылан. Спит. Вряд ли у кого из кремлевских дома живет такое существо. Хотя бы потому, что приручить мутанта нельзя. Его можно только подчинить – и в этом Отшельнику нет равных. Собственно, это его главная способность, тайный козырь и большой секрет. Никто не должен знать об умении старика, иначе не избежать неприятностей.

– Проходи, садись, – старик указал на лавку. – Квас есть свежий, лепешки...

– Спасибо, – Книжник сел, наблюдая за перемещениями хозяина, как тот трясущимися руками разливает по глиняным кружкам шипучий квас.

«Совсем сдает старик», – подумалось семинаристу. Видать, для него и в Кремле жизнь не сахар. А может, там, за стенами, ему лучше жилось? Ведь там он почти никого не боялся, от всех врагов его могло защитить все это жуткое зверье, которое испытывало к Отшельнику необъяснимую тягу. Но правду говорят: умирать всегда возвращаются домой. Как в детстве этого человека похитили из Кремля, так он и вернулся сюда на закате дней. Есть в этом какой-то грустный и в то же время жизнеутверждающий смысл.

Впрочем, сейчас не до философии.

– Нужна твоя помощь, Отшельник, – сказал парень, крутя в пальцах кружку с квасом. – Зигфрида арестовали.

– Это веста твоего? Хороший он воин. В чем он перед властью-то согрешил?

– Да ни в чем. Обвиняют его несправедливо. В убийстве.

– Эво оно как... – старик сел на лавку, задумался. – Серьезное обвинение. Только чем я-то помочь могу?

Книжник молча выложил на стол перед ним полотняный мешочек, вытряхнул из него «улику» – тот самый кусок ремня, принадлежавший сбежавшему незнакомцу.

– Это осталось от убийцы, – сказал Книжник. – Может твое зверье отыскать его по запаху?

Отшельник склонился над столом, разглядывая ремень, нахмурился, сказал:

– Ты же знаешь, я предпочитаю не афишировать свои способности. Не то ваши ревнители чистоты крови сочтут меня мутантом и выгонят за ворота. А я слишком стар, чтобы снова начинать скитания.

– Знаю, дружище, знаю. Но под угрозой жизнь Зигфрида, и я просто не знаю другого способа ему помочь, кроме как найти этого мерзавца.

Отшельник отвернулся, прошелся по каморке, отдуваясь и кряхтя. Проходя мимо висящего под потолком крылана, погладил маленькое чудовище, и то издало мерзкий скрежещущий звук.

– Может, ты его попросишь? – Книжник кивнул на крылана. – Эта тварь наверняка что хочешь вынюхает, вон какие ноздри!

– И чему вас только в Семинарии учат? – проворчал Отшельник, поглаживая мутанта по уродливой голове. – Крыланы не по запаху ориентируются, а с помощью биолокации. Так что он тебе не поможет.

– А кто поможет?

Старик поглядел на него исподлобья, вздохнул и устало присел на лавку. Сделал рукой какой-то небрежный жест в воздухе, и тут же парень ощутил, что в камерке есть еще кто-то. И это присутствие ему совсем не понравилось – в воздухе появился этот мерзкий запах. Запах смерти.

– Что такое? – пробормотал Книжник, вжимаясь спиной в стену.

И тут же что-то массивное упруго качнуло стол.

– А, черт... – выдохнул парень.

На него скалилась огромными желтыми клыками крысособака приличных размеров. Отвратительная тварь, убивающая и жрущая все на своем пути. Человек для нее – природный враг, жертва, еда. И сейчас чудовище пялилось на него своими маленькими красными глазами, рычало, а из пасти его тягучей струйкой стекала густая слюна. Злобный сгусток мышц и зубов. Всего один бросок – и тварь оторвет ему голову.

– Откуда здесь крысособака? – выдавил семинарист.

Отшельник тихо усмехнулся:

– Да они же повсюду – везде, где имеется хоть какая-то органика. И жрут все – живое и мертвое. Обычно предпочитают не показываться – если не чувствуют полного превосходства. Считай, что это разведчик стаи. Как только силы людей Кремля ослабнут – твари накинутся на оставшихся всей своей массой.

– Что-то мне не по себе... – поежился Книжник. – Чего она так смотрит на меня?

– Не бойся, – сказал Отшельник. – Она тебя не тронет.

– Легко сказать – не бойся... – пробормотал Книжник. – Одного укуса достаточно, чтобы сдохнуть от заражения крови.

Старик прикрыл глаза, и неожиданно крысособака заскулила, попятилась и закрутилась вокруг своей оси на поверхности стола, грозя развалить его массой. Пока не уткнулась острой мордой в лежавший на нем ремень. Юркий нос задвигался, задержались длинные усы-антенны, будто ощупывая предмет.

– Она приведет тебя к хозяину ремня, – сказал Отшельник. – И если это действительно убийца – ты найдешь убийцу.

Тварь снова устала на него неподвижным, ничего не выражающим взглядом. Повела носом воздух, как бы принюхиваясь к присутствующей здесь человечине.

– А не цапнет? – глядя в красные глаза монстра, поинтересовался Книжник.

– Пока не выполнит поставленную задачу – не цапнет, – заверил старик. – А как найдет, кого ищет – тут уж держись, там я ничего предсказывать не буду. Я с тобой пойти не смогу, так что проконтролировать у меня не получится.

– Ладно, что-нибудь придумаю, – не очень уверенно сказал Книжник. – Лишь бы этого гада найти...

– Тогда вперед, – сказал Отшельник, и шустрая тварь с неожиданной легкостью практически «стекла» на пол. – Ты только не выдавай меня, если что. Удачи!

Держаться за крысособакой было непросто. Зверь был невероятно энергичный, стремительный. Помогало то обстоятельство, что мчался он не по прямой, а наворачивая круги и зигзаги, жадно внюхиваясь в землю, траву и камень мостовой. Благо, уже стемнело, и никто не видел опасного мутанта, появившегося на кремлевских улочках.

– Ну, где ты прячешься? – шептал Книжник. – Где же ты затаился, гнида?

Это хороший вопрос: где может спрятаться в Кремле чужак, осмелившийся совершить убийство? Да и как он вообще здесь очутился? Куда смотрели дозорные на стенах, воины-монахи, охранявшие ворота? А то легко требовать пароль у тех, кого и без того в лицо знаешь, а вот поди, поймай настоящего врага! Опричникам отчего-то не интересно вылавливать убийцу, затаившегося среди кремлевских. Куда проще объявить таковым первого, чье лицо не понравится. В этом смысле за столетия ничего не изменилось: репрессивная машина угрюма, зла и беспощадна, ей нет дела до истины, она работает не во имя справедливости, а ради оправдания собственного существования. Вот и приходится бывшему семинаристу, да князьему советнику в придачу выполнять чужие обязанности.

Когда они сделали практически полный круг вдоль кремлевских стен, у Книжника появилось сомнение в успехе дела. Может, не так уж и хороша затея? А крысособака – не такой уж эффективный инструмент поиска? Да и враг давно мог сбежать из Кремля – точно так же, как и проник сюда.

Все сомнения рассеялись, когда тварь застыла в совершенно собачьей стойке, уставившись в темноту, и низко зарычала – похоже, взяла-таки след. В следующие секунды Книжнику пришлось резко стартовать и нестись изо всех сил, чтобы не отставать от животного, стремительно шедшего по извилистому, но четкому маршруту.

Путь вел мимо центральных площадей и зданий, в сторону производственного сектора. Из всего этого сектора, впрочем, на поверхности можно было увидеть одни лишь оголовки вентиляционных шахт и тамбуры переходов к штольням. Ведь практически все производство Кремля было укрыто в обширных подземных пространствах, в которых еще не так давно пряталось и население, лишь недавно выбравшееся на поверхность после затянувшейся «ядерной зимы».

И сейчас крысособака неслась напрямиком к нагромождению неказистых бетонных «скворечников», скопом торчащих из земли, как поганки на старом пне. Еще подумалось: входы в подземный сектор строго охраняются княжеской дружиной, тут не прошмыгнешь так просто, да еще и в компании с компактным чудовищем. Но зверь оказался не дурак – не отправился напролом, а нырнул в малозаметную дыру под жестяной крышей одного из бетонных кубов.

– Погоди! – сдавленно прошипел Книжник. – Я же не могу так быстро!

Продираясь сквозь рваное железо и оставляя на нем клочья одежды, он втиснулся-таки в тесную вентиляционную трубу, уходившую вертикально вниз. Глянул туда, во мрак – и увидел два глеющих уголька под собой: зверюга ждала его, глазела. Вот же умная тварь, жаль только, что по природе – непримиримый враг человеческий! Глаза исчезли – крысособака продолжила свой путь в глубину. Как она перемещалась по вертикальной бетонной стене – непонятно, даже парню было непросто спускаться, цепляясь за ветхие железные скобы.

Спускался он долго, потеряв ощущение времени и глубины. Наконец, под ногами образовалась твердая поверхность. Но удобства это не прибавило: оказалось, что единственный путь со дна шахты ведет через такую же узкую трубу, только проведенную горизонтально. Точнее, трубы было четыре, и все они расходились от вертикальной. Парень выбрал единственно правильную – ту, в которой мелькнули все те же красноватые глазки.

Было душно. Двигаясь на четвереньках, он с трудом заглушал в себе нарастающую боязнь замкнутого пространства. Спасало только то, что время от времени под ногами появлялись решетки, через которые пробивался неяркий свет и тянуло сквозняком. Там, под ногами, была обширная ферма по разведению грибов – некогда основы пищевого рациона укрывшихся в этом подземелье. Мало что еще из продовольствия можно производить в достаточном количестве в таких условиях. Производство грибов не прекращалось и теперь – из них составлялись стратегические продовольственные запасы.

Но крадущуюся впереди крысособаку не интересовала ферма. Она пробиралась все дальше. Неужто она шла тем же путем, что пришел сюда неизвестный убийца? Если так, то чужак был необычайно хитер и изворотлив. Самому Книжнику и в голову бы не пришло добровольно забраться в такую дыру. Впрочем, он здесь, а значит, скоро придется столкнуться лицом к лицу с опасным и непредсказуемым врагом.

Стало не по себе. Книжник нашарил голенище мягкого сапога. Там у него припрятана тугая связка ядовитых стилосов – заточенных железных стержней, что обычно применяются для письма на бересте кремлевской березы. Но его стилосы – еще и оружие. Они и заточены тоньше, чем обычные, и смазаны паралитическим ядом собственной рецептуры. Тут дело такое: настоящее оружие в Кремле позволено носить лишь ратникам, особой касте людей, специально подготовленной, да еще и «прошитой» так называемым D-геном, придававшим им серьезные преимущества в бою. Семинаристу, как и князьему советнику, оружие не положено, вот и приходится идти на всевозможные ухищрения. Но главное не в том, что использовать в качестве оружия, главное – умение им пользоваться. Книжник умел. Но он понимал, что незнакомец подготовлен гораздо лучше, да и оружие у него серьезнее. Вспомнилась мощная стрела, пробившая девичью грудь. Эта стрела должна была торчать из спины Зигфрида. А теперь такая же может оказаться во лбу у слишком любопытного парня.

А зверь углублялся все дальше в бесконечные лабиринты подземных коммуникаций, и Книжник понял, что вскоре уже будет не в силах поспевать за ним, не то что драться с неизвестным противником.

– Да постой ты... Да погоди... – задыхаясь, бормотал он.

Тварь не слушала его и продолжала движение.

Он не заметил, в какой момент труба оборвалась широким распахнутым люком. Успев сдержать вопль, он кувыркнулся вниз и растянулся на куче сухого мусора, не понимая еще – жив ли, цел ли. С опаской пошевелился. Тело болело от падения, но руки-ноги двигались.

Повернул голову влево. Из полумрака на него поглядывали все те же неприятно красные глаза. С кряхтением перевернулся на живот, встал на четвереньки, не без труда поднялся на ноги. Чуть потоптался на месте, разминаясь. И уже в полный рост последовал за зверем.

Здесь ему никогда не доводилось бывать. Это был жилой сектор для подземных фермеров. Когда-то в таких боксах ютились все кремлевские. Теперь же большая часть населения перебралась наверх. Но остались и те, кто до сих пор жил под землей. Причем совершенно добровольно, просто боясь покидать привычную обстановку – надежное и безопасное подземелье. Это было связано не только с психологией – есть ведь такая болезнь, боязнь открытого пространства, – просто за годы жизни в убежище успела сложиться своеобразная секта, adeпты которой связывали выход на поверхность с неизбежной гибелью человечества. Последователи этой религии именовали себя «семенами», а сама секта поклонялась «Великому Ростку», который, по их представлениям, надежно укрыт в недрах земли до конца времен, когда Великий Росток пробьет толщу земли, и наступит Конец сущего. Поначалу эту странную религию пытались запретить, как вредную, опасаясь, что она помешает возвращению людей к нормальной жизни. Но со временем все утряслось само собой. Тем более что кому-то нужно было работать на подземных производствах, и adeпты этой «подземной сети» пришлось как нельзя более кстати. Они составляли основную рабочую силу на подземных заводах и фермах, и никто не собирался ломать сложившуюся систему.

И теперь Книжник шел по этому незнакомому подземному городу, таращась во все глаза, будто пришел с экскурсией, а не ради серьезного дела. В стенах широкого туннеля имелись многочисленные двери, многие из которых сейчас были распахнуты. На порогах сидели старики, всюду сновали тощие, бледные, но вполне жизнерадостные детишки. Компания мальчишек вдруг замерла, провожая взглядом крысособаку.

– Она не тронет, – торопливо заверил Книжник.

Мальчишки в ответ лишь расхохотались. Не похоже, что тварь их сильно испугала, скорее удивила. Надо думать, в районах ферм и складов крысособаки не редкость. На него самого тоже не обращали особого внимания. Все-таки это подземелье – всего лишь один из районов Кремля, хоть и весьма специфический.

Зверь привел к тяжелой железной двери с номером «317», нанесенным облупившейся желтой краской. Закрутился у порога, зарычал, ткнулся носом в металл. Книжник приблизился, взялся за холодную железную ручку, потянул. Дверь подалась со скрипом. Парень осторожно шагнул внутрь.

Комната была чуть побольше, чем конура Отшельника, и обстановка, как ни странно, уютнее: самотканая скатерть на столе, ковер, циновка на полу, какие-то статуэтки, небольшая репродукция в рамке. Чувствовалась женская рука.

– Кто это? – тихо донеслось из дальнего угла. – Михей, ты?

В тусклом свете лучины показалось бледное лицо женщины. Симпатичной, только слишком уж бледной. Женщина куталась в платок и подслеповато шурилась.

– Это не Михей, – сказал парень.

Женщина негромко вскрикнула и тут же прикрыла рот ладонью.

– Не будем поднимать шума, – сказал Книжник. – Это не нужно ни мне, ни вам.

– Кто вы такой? – уже более резко спросила женщина. – Кто вам позволил войти ко мне? Я позову охрану!

– Прежде чем вы позовете охрану, скажите, кто такой Михей? Вы давно его знаете?

Женщина прикусила губу, присела на неказистый стул у круглого стола. В глазах появился испуг. Нужно было пользоваться ее слабостью и максимально вытягивать информацию.

– Михей – он из местных? – с напором спросил Книжник. – На плантации работает?

– Нет... – пробормотала женщина. – Он с поверхности. Но он хороший. Он очень добрый, ласковый...

– Ласковый... – недоуменно повторил Книжник. – Так он ваш муж?

– Нет... Друг.

– Он просил вас укрыть его?

– Почему – укрыть?

– Он просил вас не сообщать о нем охране?

Женщина промолчала. Похоже, он попал в точку.

– Как вы познакомились? На поверхности?

– Нет... – в голосе женщины появились тревожные нотки. – Я нашла его в соседнем секторе, на краю плантации. Он был без сознания. Он потерял память.

– Это он так сказал?

– Да...

– Прекрасно, – Книжник присел напротив женщины, глядя на ее растерянное лицо. – И вы не догадались, что здесь что-то не так? Не сообщили в Тайный приказ о незнакомце?

– Я люблю его... – всхлипнула женщина. – А вы... Вы из Тайного приказа?

– Вы знаете, что он – преступник? Он убил человека, и из-за него в убийстве обвинили другого. Как вы считаете, это справедливо?

Глаза хозяйки округлились. Но тут же лицо стало жестким, и она процедила:

– Я его никому не отдам! Слышите? Никому!

Приехали. «Стокгольмский синдром» плюс влюбленная баба – просто дьявольский коктейль.

– Понятно, – не стал спорить Книжник. – Ну, так мне он и не нужен. Это дело опричников. И если вы не хотите мне помочь, я пошел...

– Не так быстро, малыш! – прошипел в ухо незнакомый голос.

Резко перехватило дыхание, парень ощутил, как кто-то оттянул за волосы голову, а горло сдавили крепкие руки.

– Держи его, милый! – суетливо забормотала женщина. – Его же надо связать, да? Сейчас я найду веревку...

– Заткнись, сука! – процедил тот же голос. – Кто это такой? Как он пронюхал про меня? Это ты меня «слила»?

Женщина заплакала. Она что-то лепетала сквозь всхлипывания, но обладатель голоса не слушал. Направив нож острием прямоком в глаз пленнику, он продолжал рычать ему в ухо:

– Говори быстро: что ты знаешь? Ты опричник? Сколько вас здесь? Живо, ну!

Несмотря на сковавший тело страх, семинарист быстро смекнул: говорить сейчас правду – самоубийство. А потому торопливо забормотал:

– Да, я из Тайного приказа. Весь коридор под негласной охраной. Ты окружен, Михей, тебе не вырваться...

Негодяй рассмеялся:

– Врать не умеешь, щенок! Никого из твоих здесь нет, ты один пришел. Я узнал тебя – ты рядом с вестом был. Это же ты, собака, его оттолкнул. А он должен был умереть – быстро и сразу. И девчонка осталась бы жива. А теперь из-за тебя погибнут еще люди, те, что могли бы жить, не влезь ты в чужие дела. Но первым из них умрешь ты...

Лезвие ножа опустилось к шее, холодный металл коснулся кожи. Это не было пустой угрозой, желанием запугать. Его действительно собирались убить. Просто перерезать горло. Одного только убийца не взял в расчет: Книжник пришел не один.

Откуда-то сбоку бесшумной тенью вынырнул зверь. Удар тяжелой головой – и убийца отлетел к стене. Еще секунда – и зверь уже прижимал жертву к полу. Крик боли огласил тесную комнату: мутант вцепился убийце в ногу. Завопила женщина. Еще немного – и крысособака начнет рвать жертву на куски.

Это плохо: мертвый пленник – бесполезный пленник, так как из него уже не выбьешь признание в пользу несправедливо обвиненного.

– Нет! Нет убивай его! – отчаянно крикнул Книжник. – Стоять! Не смей!

Непонятно, на что он рассчитывал. С чего это крысособаке слушаться своего врага – человека? В этом смысле для нее нет разницы – Михей или Книжник, оба – всего лишь ходячие куски мяса.

Но зверь вдруг отпустил истекающую кровью конечность и поглядел на Книжника неподвижным стеклянным взглядом.

– Молодец! Вот так, стереги его! – бормотал Книжник, поднимаясь на ноги.

Тут же в коридоре раздался дробный топот, и семинарист сдавленно крикнул зверю:

– Прячься!

Поразительно, но тот мгновенно подчинился и скрылся во мраке. Сейчас же распахнулась дверь, и в комнату ввалилось несколько крепких мужчин в рабочей одежде. Оглядев комнату, они хмуро уставились на Книжника.

– Сообщите в Тайный приказ, – с напором сказал тот. – Я поймал убийцу. Пусть освободят Зигфрида.

Глава 2

Старые счета

Вызволить пленника из Тайного приказа не так-то просто. Можно доказывать, сколько угодно, хоть предъявлять в качестве доказательства невинности ангельские крылья – темница неохотно расстается со своими постояльцами. Потребовалось вмешательство самого князя, чтобы достучаться до руководства опричников. Для последних важны не столько доказательства, сколько сам факт ареста. А там уж, как говорится, «ложки-то нашлись, но осадок неприятный остался».

Тем не менее Зигфрида не только отпустили, но и позволили присутствовать при допросе убийцы. Книжника, правда, к нему не пустили, и это было обидно, учитывая то, что именно он задержал негодяя. А может быть, как раз и поэтому – опричники очень не любят, когда их так явно щелкают по носу. Обидно ведь признавать, что прямые обязанности тайной службы Кремля выполнил какой-то выскочка. И уже тем более бесит, когда приходится признавать собственные ошибки.

Так что Зигфрида он дожидался на улице. Дождался довольно долго, даже зевать начал. Сидел на камне да наблюдал, как носятся друг за другом неугомонные мальчишки. В отдалении бил церковный колокол, ему вторили удары кузнечных молотов. Семинаристы в бесформенных рясах тянулись на занятия, плотным строем проходили на смену дозорные – Кремль жил своей обычной жизнью.

На плечо легла тяжелая ладонь. Книжник задрал голову, щурясь на солнце. Это был Зигфрид.

- Ну что, Зиг, как там твой «киллер»? – бодро спросил парень.
- Помер, – спокойно отозвался Зигфрид.
- К-как – помер? – чуть обалдел Книжник. – Запытали его, что ли?
- Самоубийство. Пломбу с ядом раскусил. Чтобы информацию не выдать.
- Но... – Книжник не мог подобрать слова. – Но почему?!
- Потому что он – профессиональный убийца. Член клана. Он просто выполнил клятву.
- И узнать про него так ничего и не вышло? – Книжник с досадой покачал головой. –

Выходит, все зря?

- Ну почему же. Кое-что мы узнали.

Они вышли на Ивановскую площадь. Стучали строительные молотки – рядом восстанавливали древнюю колокольню Ивана Великого. Кое-кто из бояр злился – на что, мол, тратятся ресурсы и рабочая сила в такие тяжелые времена? Времена и впрямь не простые. Но Книжника эти процессы радовали: значит, возрождается кремлевский дух, выходит, ощутили уже, поняли, что не хлебом единым живет человек.

Семинарист перевел взгляд на друга:

- И что же он сказал перед смертью?
- Он приходил за мной, – спокойно сказал Зигфрид. – Он из клана наемных убийц. Но самое главное – он вест.
- Убийца – из вашего народа? – удивился Книжник. – Я думал, все ваши воины погибли, один ты остался.

– Выходит, не совсем так. Я знаю немного, но в целом дело обстоит так... – Зигфрид с прищуром поглядел на солнце, помолчал, будто вспоминая что-то. – Когда-то у нас в Бункере в среде воинов произошел раскол: один из кланов повадился заниматься набегами и грабежами. Дело, конечно, выгодное, но противоречит кодексу вестов. Мой отец выступил тогда

за изгнание отступников. Произошел жестокий конфликт. И лидер изгнанных, по прозвищу Кнуд Дикий, уходя, подло убил моего отца.

– Вот как... – произнес Книжник. – Сочувствую. Я не знал об этом.

– Конечно, не знал – я же не рассказывал. Сам я тогда был мал и не мог ничего предпринять, но поклялся отомстить мерзавцу. С тех пор много лет прошло, я был уверен, что убийца отца давно в могиле, как и его поделщики... – Зигфрид помолчал, хмурясь. Продолжил: – А он, оказывается, жив. Мало того – жив и все помнит. Помнит и боится. И хочет убить меня.

– Боится, что ты отыщешь и отомстишь за отца?

– Не думаю, что он помнит меня как сына убитого врага. Он знает лишь то, что я – последний воин народа вестов. Он придумал себе отличную легенду: мол, этот Зигфрид предатель, и заслуживает смерти за то, что он увел последних вестов к заклятым врагам – к кремлевским.

– Но это же бред!

– Согласен. Потому что все гораздо проще: старый бандит просто претендует на наследие вестов, на власть над нашими женщинами, над подрастающим поколением вестов, над Фортгом и Бункером.

– Как он представляет себе – вернуть власть над вестами?

– Не знаю. И это меня беспокоит. Если мерзавцы взялись за меня – они не оставят в покое и всех остальных. Воины вестов – народ упорный, даже худшие из них. А может, худшие даже упорнее. Так что можно не сомневаться: это всего лишь первый удар.

– И что же ты собираешься делать?

Зигфрид внимательно поглядел на него, и парень уже понял, что тот ответит.

– У меня нет выбора. Я должен найти убийцу отца и поставить точку в этом деле.

– Кровная месть?

– Да. Нет ничего важнее праведной мести. И уж тем более – мести за своего отца. Найдешь убийцу отца – выполнишь долг перед богами.

Книжник оставил это заявление без комментариев. У него было собственное мнение по поводу мести, но не ему судить воина союзного, но все же чужого народа.

– Но главное – не дать мерзавцам осуществить их замыслы, – продолжил Зигфрид. – Нужно пресечь эти планы в зародыше. А значит, я должен успеть нанести удар, прежде чем они почуют неладное.

– Вот с этим я согласен. Весты нужны нам как союзники, а не как враги. Когда выдвигаемся?

Зигфрид похлопал его по плечу, сказал:

– Спасибо, друг. Я знаю, что ты никогда не оставишь меня в беде. Но сейчас дело другое. Это кровная месть. Слишком личное, чтобы я позволил вовлечь тебя в это...

– Но я же сам вызвался, – возразил Книжник. – В конце концов, это касается не только меня, но и моей девушки. Хельга – тоже из вестов, а значит, беда угрожает и ей.

– Нет, – твердо сказал Зигфрид. – Это касается только вестов. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, значит, ты совсем не знаешь мой народ.

Книжник прикусил язык. Такой категоричности, даже резкости он не ожидал от друга. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

– Может, я могу помочь тебе как-то иначе? – осторожно предложил Книжник. – Например, знаешь ли ты, где искать своего врага? Убийца успел что-то сказать перед смертью? Хоть намек дал?

Зигфрид странно поглядел на друга, и Книжник понял: он попал в точку.

– Долго же ты будешь искать, – семинарист покачал головой. – Пока ты по развалинам шастаешь, он возьмет, да и заявится прямоком в Форт. И все из-за твоих принципов.

– Ладно, – сказал Зигфрид. – Я не во всем прав. Только как ты можешь помочь мне? Убийца мертв, стало быть, он уже ничего не скажет.

Они помолчали. Книжник лихорадочно копался в «картотеке воспоминаний», пока не наткнулся на кое-что любопытное в пыльной кладовой памяти.

– Отчего же не скажет? – тихо сказал Книжник. – Может, и скажет. Только добудь его тело.

Опричники без особых проблем выдали тело мертвого преступника. Правда, под расписку, с обещанием вернуть в целости, отправив в придачу сопровождающего – дебелого детину-стражника. Это было весьма кстати – он помогал тащить труп, упрятанный в грубый джутовый мешок. А путь был приличный – на противоположный край Кремля.

Тащивший тело стражник выглядел совершенно непробиваемым. Казалось, удивить его невозможно ничем. Но даже он пришел в недоумение, когда понял, куда они притащили труп убийцы.

Это была свалка. Строго говоря, этот пустырь именовался «полигоном», куда стаскивали разный металлический хлам. Потому что Кремль не мог себе позволить разбрасываться ресурсами. Любой предмет из этих россыпей металлолома в любой момент мог пойти в дело. Так обстояло и сдохлым биороботом типа «серв». Когда-то эта крабообразная машина обслуживала куда более крупных боевых биороботов, но попала в крутой «замес» во время очередного штурма Кремля, получила в лоб булыжник из катапульты нео, да так и замерла навеки. Неизвестно, уж для каких нужд «серва» заволокли на территорию Кремля. Видать, на запчасти разобрать хотели, да передумали. Вот и лежит этот био, дожидаясь своего часа. И вот, дождался.

– Клади его сюда! – Книжник указал на небольшой участок чистой земли рядом с роботом.

Стражник с удовольствием избавился от мешка. Тело уткнулось в землю. Некоторое время они стояли над ним, переводя дух. Вест сразу сообразил, в каком направлении мыслит Книжник, и с прищуром поглядел на мертвого робота.

– Ну, и что ты задумал? – с усмешкой поинтересовался Зигфрид. – Уж не хочешь ли установить роботу его дохлые мозги? Смотри, как бы он нас всех не прикончил.

Всем известно, что управляющим центром биоробота является человеческий мозг – «расходный материал», пересаженный когда-то от убитого солдата натовской армии. Так что предположение Зигфрида вполне обосновано. Но только не в этом случае.

– Этого я не умею, – признался семинарист. – Так и нам ведь не робота оживить надо, а допросить мертвого.

– Вы что, с ума посходили? – пробасил сопровождающий от Тайного приказа. – Сатанинский обряд задумали, святотатцы?!

Он торопливо перекрестился, тихо забормотал молитву.

– Спокойствие! – вскрывая ломиком искореженную крышку мозгового центра, сказал Книжник. – Это чистая наука и никакой мистики.

– Смотрите, а то я доложу, куда требуется, – проворчал стражник, тем не менее продолжая с интересом наблюдать за действиями семинариста.

Броневой лист над биоэлектронным блоком был сильно деформирован, и потребовались усилия, чтобы его снять. Помог Зигфрид, использовавший вместо рычага крепкий кинжал. Наконец удалось добраться до внутренностей «серва», а главное – до «мыслесъемника», в котором все еще находились останки разложившегося мозга. Брезгливо вытряхнув зловонную массу, парень вытащил гелиевую «чашу», от которой в чрево робота тянулись жгуты проводов и световодов. Теперь главное, чтобы оставалось хоть немного резервного питания... Парень щелкнул аварийным переключателем – и световоды занялись мертвенно-синим сиянием.

– Есть! – прошептал он. Поднял взгляд на Зигфрида, кивнул на мертвеца. – Нужен доступ к его мозгу.

– Понял, – мгновенно среагировал Зигфрид. И одним точным движением кинжала резнул череп убийцы по кругу. Хрусть – и снял, как шапку, крышку черепа, обнажив мозг.

– Бу-эээ! – это вовсе выворачивало стражника, непривычного к подобным зрелищам. Что странно, учитывая место его работы. С каких это пор в Тайный приказ стали набирать чистоплюев?

Впрочем, череп покойнику вскрывали не ради того, чтобы поразить воображение стражника.

– Держи ему голову! – бросил семинарист, подтягивая поближе чашу мыслеприемника. Шлеп – и нахлобучил на мозг гелиевый «шлем».

– Ну и что дальше?

– Сейчас! – утирая со лба пот, нервно проговорил Книжник.

Долго рассказывать о том, что вся эта процедура нужна не для того, чтобы сигналы с мозга отправились в управляющие блоки биоробота, а напротив – чтобы активизировать умирающий мозг сигналами машины.

– Где же оно? – ковыряясь в электронный потрохах, бормотал парень. – Это, что ли?

Он щелкнул тумблером. И в ту же секунду мертвец распахнул глаза и захрипел. Вытащился в небо, при этом каждый глаз двигался самостоятельно, вызывая странное и жуткое ощущение.

– Бу-эээ! – отблевавший стражник, только-только пришедший в себя, пошел на второй круг.

Тут было с чего не только проблеваться, но и штаны обмочить: мертвеца трясло, как во время казни на электрическом стуле. Во всяком случае, Книжник именно так себе это представлял.

– Вопрос – быстро! – крикнул парень. – Сейчас мозги сторят!

– Откуда ты пришел? – прямо в мертвое лицо прокричал Зигфрид.

Мертвец продолжал судорожно содрогаться.

– Откуда ты?! – орал Зигфрид.

Мертвец трясся, не реагируя на слова.

– Кто тебя прислал, гнида?!

Покойник вдруг перестал трястись и закатил глаза. «Ну вот, – подумал Книжник, – и это зря...»

– Софрино... – едва слышно прозвучало из коченеющих губ.

Убийца застыл, на этот раз навсегда. Сверкнули и погасли светодиоды. Из-под гелиевого «шлема» текли черные пузырящиеся струйки. Мозги, однако, поджарило основательно.

Насмерть перепуганный стражник стирал с лица блевотину и усердно крестился.

– Значит, Софрино, – произнес Зигфрид. – Где это?

– Где-то на севере, за МКАДом, – отозвался Книжник. – По Ярославскому шоссе, кажется...

Зигфрид задумчиво кивнул.

Тело засунули обратно в мешок и вернули совершенно деморализованному стражнику. Продолжая бубнить молитвы, тот взвалил мешок на плечо и поволок свою мрачную ношу обратно, в сторону Тайного приказа. Но последний маршрут убийцы уже не интересовал друзей. Они вышли со свалки и оказались в тесном переулке, зажатом между неказистыми строениями кремлевских мастерских.

Зигфрид остановился, помолчал немного и сказал:

– Что ж, давай прощаться.

– Уже? – не глядя на него отозвался семинарист.

– Сам понимаешь, каждая минута дорога. Кто его знает, может, этот Михей на связь должен был выйти или какой-нибудь знак подать, что меня «убрал». Или еще как отметиться.

Так что надо идти на опережение, пока не поздно. Ну, держи! – он ударил крепкой пятерней по его руке. – Боги позволят – еще свидимся!

Только сейчас Книжник понял, что вест говорит серьезно. Парень не хотел прощаться так, с ходу, ему было, что возразить. Как он может допустить, чтобы друг отправился в одиночку бороться против целого клана, где каждый подготовлен, наверное, не хуже Зигфрида? Но в глазах воина видел непробиваемую твердость и понимал: лучше сейчас не ссориться.

Они коротко обнялись, и Зигфрид направился в сторону ворот Спасской башни. Он еще заглянет в Форт, даст последние указания своему народу. Но все это уже не касается Книжника.

В этот момент парень почувствовал себя каким-то ущербным, обделенным чем-то большим и важным. Так мальчишки завидуют воинам, павшим в кровавом бою. Вроде и странно завидовать чужой гибели, но смерть бывает ярче, чем долгая беззаботная жизнь. Он вроде уже и не мальчишка, но как-то невыносимо оставаться здесь, за крепкими стенами, когда друг отправляется на верную смерть.

Идя кривым переулком, Книжник почувствовал на себе чей-то взгляд. Остановился и медленно обернулся.

– Ох, ты ж...

На него неподвижным взглядом пялилась крысособака. Та самая. Вспомнились слова Отшельника – мол, он не ручается за ее поведение после выполнения задания.

А задание-то выполнено.

– Чего тебе? – осторожно спросил парень.

Услышав голос, зверюга сорвалась с места и припустила в его сторону.

– Стой! – пятась гаркнул парень. – Стоять, гримза!

Тварь остановилась с той же, присущей ей резкостью. Вот же беда! Чего она от него хочет? Думала бы броситься – ее не остановили слова! А страшная-то – жуть. И на свету еще страшнее. Действительно – гримза.

– Эй, гримза, слышишь меня? – позвал Книжник.

Крысопсина чуть приоткрыла пасть и завиляла длинным голым хвостом.

– Что, нравится, когда тебя гримзой кличут? – осторожно сказал Книжник. – Тогда и оставайся Гримзой.

Зверюга сделала еще шаг в его сторону и тявкнула. Странное зрелище – огромная твякающая крыса.

– Все, уходи! – уже смелее потребовал парень. – Убирайся, слышишь?

У него даже хватило смелости прикрикнуть и топнуть на это чудовище. И надо же – мутант тихо заскулил, попятился и скрылся за углом. Книжник судорожно вытер пот со лба.

Ну и денек выдался, с ума сойти.

Вернувшись в келью, он упал лицом на узкую койку и долго лежал, надеясь, что придет сон и все встанет на свои места. Как бы не так. Несмотря на усталость, сна не было ни в одном глазу. И не оставляло какое-то назойливое беспокойство.

Ругнувшись, он рывком сел на койке. Взгляд упал на стул рядом с изголовьем. Там лежала простреленная записная книжка – та самая, что спасла ему жизнь в последней переделке. Рука сама потянулась к букве П. Отщелкнув деформированный пулей стальной зажим, он раскрыл блокнот прямо посередине.

«...Роботы наступают волнами. Танкисты сдерживают удары, но они – всего лишь люди. Машины не знают страха и усталости, им просто нет конца. Мы подбиваем единицы – на их место приходят десятки, мы сжигаем десятки – приходят сотни. Когда эти гады успевают их штамповать?..»

Книжник перелистнул страницу.

«...Есть сведения о готовящемся нашем контрударе. Но я больше надеюсь на Софрино...»

Парень вздрогнул, перечитал снова. Так и написано: «...я больше надеюсь на Софрино...».

Это было оно – единственное слово, произнесенное мертвым киллером.

Торопливо пролистал вперед, назад – Софрино больше не упоминалось, не было даже намека на то, что имеет в виду неизвестный автор.

Сердце забилося чаще. Что это – совпадение? Что же там было, в этом Софрино? И почему убийца явился за Зигфридом именно оттуда? Хороший вопрос. Он мог бы получить на него ответ – если бы шел сейчас рядом с Зигфридом.

Книжник вскочил, прошелся по келье.

Вот она – настоящая тайна. То, что не дает спокойно сидеть на месте, бездумно проживать свою жизнь. Именно поэтому он однажды рискнул, поставил на карту саму жизнь – и отправился в неизвестность вслед за опасным чужеземцем. Тем чужеземцем был Зигфрид, а сам он был дерзким, любопытным, глупым – но не страшившимся никаких опасностей. Именно потому он вернулся в Кремль с богатой «добычей» – целым народом, спасенным из Поля Смерти.

А что сейчас? Неужто он изменился, потерял любопытство, остроту восприятия мира, а душа его заплыла жиром? Неужели он действительно думает, что может и дальше сидеть за этими стенами, надеясь, что угрозы Большого мира обойдут его стороной?

Только не это. Опасности, угрозы – что угодно, только не самодовольная скука.

Он бросился в угол, где громоздились штабеля книг – редкая привилегия в мире, где каждая книга – драгоценность. Для княжьего советника сделано исключение – и он без зазрения совести этим пользовался. Вот и сейчас он осторожно перекладывал древние тома, пока не наткнулся на искомое.

Карта. Древняя, потрепанная, полуистлевшая схема города и окрестностей. Осторожно развернув ветхий бумажный лист, взгляделся в бледные, потерявшие цвет линии и надписи. И не разобрать почти ничего. Вот и Софрино это – где оно? Даже на схеме его не найти – исчезло вместе с отодранным краем. Сказать по правде, толку от довоенных схем мало. От прежнего города мало что осталось, нет многих ориентиров, исчезли целые улицы, кварталы, районы. Так что можно тупо переть, доверившись схеме, да вляпаться в такое, что мало не покажется, в то, чего создателю карты даже в кошмарном сне не привиделось бы.

Сейчас другое время, и карты нужны новые. Именно это его толкает туда, за ворота. И, как оказалось, не зря: ведь притащил же он из своих походов новые маршруты, знания об опасностях, скрытых ловушках, расположении ресурсов.

Книжник отложил старую карту и подтянул со стола большой лист бересты, тщательно сшитый из нескольких кусков. Гладкую поверхность покрывала сложная сетка линий и надписей.

Вот она – новая карта этого мира. В центре – Кремль, от которого, как от камня, брошенного в воду, будут расходиться волны новой цивилизации. Так должно быть – иначе к чему все усилия, все жертвы? Сделан первый шаг – удалось сохранить остатки человечества и какие-то крохи знаний. Но это всего лишь зерна, которые только предстоит бросить в эту радиоактивную землю.

А на карте нового мира – всего лишь наброски: больше – в сторону запада, меньше на юг, более плотно – в пределах Садового Кольца. Глядя на эту бедную схему, начинаешь понимать, как мало они еще знают о новом, постъядерном мире.

Скажем, где оно, это Софрино? Все, что он знает – это где-то на севере, куда тянется давно нехоженое Ярославское шоссе. Рано или поздно придется проложить маршрут и туда.

Тогда зачем тянуть? Ждать, вернется или не вернется оттуда Зигфрид? Возможно, вест и прав в своем эгоистическом желании, и свершить праведную месть должен он один. Что ж, дело хозяйское. Но кто может запретить Книжнику, княжескому советнику по науке, закрыть еще одно «белое пятно» на карте нового мира?

Ни у кого нет такого права. И никто не в силах остановить его.

Он не сказал никому. Просто не было времени: Зигфрид наверняка уже в пути, и шансы догнать его становятся все меньше. Жаль, не успел попрощаться с Хельгой. Но с этими женщинами одни сложности: сначала она будет против того, чтобы он шел в какую-то неизвестную, опасную даль. А потом, чего доброго, напросится взять ее с собой. Не то чтобы девушка была ему обузой, более того – она надежный боевой товарищ, и в бою всегда найдет свое место. Да только это не тот случай. Потому что все тут «слишком» – слишком далеко, слишком опасно и слишком неопределенно. Начиная с того, что непонятно, какой враг их ждет впереди, заканчивая непредсказуемой реакцией Зигфрида. К тому, чтобы самому получить по загривку от друга, он был готов. Но еще и Хельгу выгораживать – увольте.

Об этом он думал, оглядываясь на исчезающие за спиной кремлевские башни. Впереди ждали бесконечные развалины и улицы, заселенные смертью. Собираясь в путь торопливо, но главное взял. Объемистый, но не слишком тяжелый рюкзак, емкость с водой и аптечку собственного изготовления – в походе целебная трава и таблетка для обеззараживания воды могут спасти жизнь. Ну и конечно, оружие. Верный арбалет, изготовленный в мастерских вестов, с хорошим запасом увесистых острых болтов, нож – подарок Хельги, да связка ядовитых стилосов – последний аргумент в непредвиденной ситуации. Впрочем, оружие – не его конек. Книжник был уверен, что главная сила – в знаниях. Он уже не раз убеждался, что хорошо подвешенный язык и острый ум спасает во многих ситуациях.

Конечно, если красноречие подкреплено оружейной сталью. Как тут не вспомнить верный меч Зигфрида. Но Зига нет рядом, стало быть, нужно вести себя осмотрительно. А еще лучше – поскорее догнать друга. Без брани, конечно, не обойдется, но возвращаться из-за него воин не станет. Такой вот нехитрый план.

Задумавшись, он едва не влетел в притаившийся на пути «гейзер». Уже занес ногу для следующего шага, да вовремя заметил подозрительно гладкую поверхность посреди разбитого асфальта. Шарахнулся в сторону, споткнулся, отполз еще немного и только потом оглянулся. И тут же увидел, как на эту самую безобидную с виду поверхность выбежала кошмарная сколопендра толщиной с ногу. Поверхность вскипела жгучими пузырями, тварь бешено закрутилась на месте, задергалась, отчаянно трясла в воздухе длинными тонкими усиками – и провалилась куда-то в толщу земли. Секунда – и асфальт над ней схлопнулся и застыл ровненько, будто ничего не случилось. Только тонкий дымок поднялся и тут же растаял.

– Однако надо собраться, – пробормотал Книжник. – Так можно и на ровном месте сплутать...

Он сместился к стене, в тень, и немного сбавил темп. Тоже, между прочим, небезопасно – в тени да развалинах любят прятаться хищники. Все здесь вокруг злобные, голодные, жадные. Жизнь слишком коротка – надо успеть набить брюхо, пока тебя не сожрали те, кто жаждет сделать то же самое за твой счет, и размножиться.

Он шел около часа, пока его не посетило странное ощущение. Возникло чувство, будто кто-то смотрит на него. Ощущение слежки. Парень несколько раз останавливался, озираясь и вслушиваясь в тишину. Никакой слежки он не заметил, но ощущение не пропадало.

– Что за напасть... – бормотал он и двигался дальше. Возможно, он сам себя «накрутил», как говорится, у страха глаза велики. А идти одному по этим опасным улицам было страшно.

Так и продвигался вперед, пока, наконец, не пришла долгожданная удача: он заметил впереди знакомую фигуру. Трудно было не узнать Зигфрида: он стоял на крыше чудом уце-

левшего двухэтажного особняка, по-хозяйски оглядывая окрестности. Надо же – не боится, что его заметят.

Первым порывом было броситься к нему, закричать, размахивая руками. Но что-то Книжника остановило. Более того – заставило еще глубже отойти в тень. Прислушался: точно – чьи-то тихие шаги. Семинарист вжался в стену, затаил дыхание.

По противоположной стороне улицы кралась темная фигура. Похожая на человеческую – но явно не человек. Следом еще одна фигура, чуть более шуплая, но от этого не менее жуткая. Оба существа были с копьями, следом показался еще один – с боевым топором на длинной рукоятке.

Это нео – мутанты, самодовольно называвшие себя «новыми людьми». Они считали, что будущее принадлежит им, подлинных людей же презрительно именовали «хомо». Своей священной задачей нео видели полное искоренение «старого» человечества. Если же отвлечься от высоких слов, это были обыкновенные уродливые дикари, новые варвары, тупые и злобные. Все, что они умели, все, к чему стремились – это грабить и убивать. Вот и сейчас они явно замыслили недоброе.

И все это не оставляло сомнения: группа мутот подкрадывалась к Зигфриду. Черт побери – неужели он ничего не замечает?!

Книжник дернулся было – чтобы закричать, предупредить друга. Но огромная черная лапа заткнула ему рот. Другая сгребла и потащила назад, в развалины. Он пытался сопротивляться, дергаться – но сопротивляться громадной горе мышц было бесполезно. Он лишь хлопал глазами, пока его волокли все глубже и глубже в мрачные руины. Наконец, ему запихали в рот кусок вонючей тряпки и швырнули на грудь щебня. Тут же, не дожидаясь, принялись стаскивать с него оружие, рюкзак, обувь, куртку. Он пытался сопротивляться, но эта злобная стая действовала яростно, нетерпеливо жадно. Над ухом мерно звенел торопливо затачиваемый нож. Какой-то мут, ухмыляясь, разгребал горячие угли недавнего костра.

И тут до парня дошло: его хотят сожрать. Не торжественно принеся в жертву в процессе какого-нибудь дикого ритуала, а так, походя, так сказать, «перекусить» на бегу.

– Ты, «хомо», не бойся, – оскалился мут, правивший друг о друга пару уродливых самодельных ножей. – Мы не дамы какие-нибудь, мучить не будем. Горло перережем – да и всех делов. Поддержась немного – и все, к своим богам отправись. А мы кушать будем.

Муты довольно заржали.

– Мало в нем мяса, на всех-то, – пробасил здоровенный и жуткий мут, окинувший семинариста тяжелым взглядом. – Тощий он, задохлик какой-то. Может, больной?

– Ничего, сейчас второго принесут, – пообещал нео, точивший ножи. – Его тут, рядом выследили.

Парень замычал, дернулся, безнадежно пытаясь освободиться. Ведь они говорят про Зигфрида! Неужто вест погибнет так же, как он, глупо, просто став дичью, жратвой для людоедов?!

Семинарист почувствовал, что сейчас потеряет сознание. Хорошо бы – он не хотел ощущать, как его режут заживо. А нож уже сверкнул острой кромкой прямо перед глазами, и двое мутот крепче ухватили его под локти.

– Сердце – мне! – прорычал здоровяк. Из уголка его рта потекла длинная, тягучая струйка слюны.

– Крови хочу! – подставляя пасть под дергающийся кадык жертвы сообщил тощий нео. – Мне для здоровья полезно, а то чешусь весь...

Сердце бешено колотилось, с трудом прокачивая загустевшую кровь. «Вот и все... – мелькнуло в голове. – Вот и все...»

И тут же весь этот страшный цирк закончился. Морда мута, желавшего полакомиться сердцем, исказилась злобой и ушла куда-то в сторону. Державшие его руки ослабли, и парень повалился на гравий. Слабыми пальцами вырвал изо рта кляп, развернулся.

В лицо обильно брызнуло горячей кровью. Не его кровью – чужой. Пока он протирает глаза и отплеивался, рядом рычали, хрипели, злобно звенела сталь. Когда же он снова смог увидеть окружающее, все было кончено.

Над искромсанными телами не возвышалась величественная фигура Зигфрида. Он внимательно оглядывал место схватки, не давая шанса какому-нибудь муту притвориться мертвым и нанести удар в спину.

Книжника бросило в дрожь. Только теперь до него дошел весь ужас того, что ему только что довелось пережить. Он хватал ртом воздух, не в силах произнести ни слова, пока, наконец, не выдавил:

– Они... Хотели... Убить тебя...

– Все хотят меня убить, – спокойно сказал Зигфрид.

– Я не успел тебя предупредить...

– Я знаю.

– Знаешь?!

– Обижаешь, дружище. Я все держал под контролем. Ты почти час шел позади, но почему-то упорно меня не видел. Я и так перед тобой мелькал и эдак – но ты пер, как слепой. Пришлось на крышу залезть, чтобы ты, наконец, меня увидел.

– Так ты это нарочно?! – дрожь прошла, ее сменила обида. – Да ты просто издевался надо мной? Меня же могли прирезать!

– Но не прирезали же.

– Ну, ты и гад! – выдохнул Книжник.

– Зря злишься – ты же сам не послушал меня, – парировал воин. – Я же сказал: оставайся в Кремле!

– Как я мог остаться в Кремле?! – Книжника прорвало. Он вскочил и закричал, сжимая окровавленные кулаки: – Ты думал, что я буду спокойно сидеть и думать о том, как я предал друга?!

– Нет, конечно, – Зигфрид чуть улыбнулся. – Как я мог так подумать? Я догадывался, что ты за мной пойдешь. Вот, решил не спешить, дожждаться тебя, чтобы ты в какую-нибудь историю не влип.

– И дождался, – сникнув, сказал Книжник. Сел на землю, обхватив голову руками и замолчал. – Вот позор-то, а...

– Я бы сказал – урок. Не стоит брать на себя больше, чем можешь унести.

– Легко тебе говорить, вон как ты мечом орудуешь! А что мне делать?

– Пользоваться тем, что у тебя лучше всего работает. Головой, – воин постучал пальцем по макушке. – А ты совсем мозги отключил. Что же, ты всерьез думал, что я зеваю, жду, когда нею меня топором по башке огреют?

Книжник сердито пыхтел и не отвечал. Он стер кровь с лица и ладоней, натянул отобранные сапоги, подхватил рюкзак, поднял арбалет. Хмуро поглядел на веста, сказал:

– Ну что, мы идем или как?

Они медленно продвигались в сторону МКАДа. Дорога была незнакомая, и форсировать движение не стоило – кто знает, какие ловушки поджидают путников. Один раз дорогу им переползло синеватое Поле Смерти – коварное марево, клочок изуродованного пространства с убийственными свойствами.

– Софрино где-то в той стороне, – Книжник указал на север. – На карте я его так и не нашел, причем, ни на одной. Такое ощущение, что его нарочно удалили со всех карт.

– Интересно, зачем?

– Не знаю. Может, мне так просто показалось. В любом случае, мы его найдем. Язык до Киева доведет.

– До Киева? Это где?

– Был такой город, на юге. Некоторые считают, что из-за него и началась Последняя Война.

– Из-за одного города? – с сомнением произнес Зигфрид. – Что это за город такой?

– Да, вроде как в городе власть не поделили. И ладно бы город, конфликт был пустяковый. Да только за одну сторону выступало Восточное полушарие, а за другую – Западное. Вот и стали тянуть каждый в свою сторону, пока там не треснуло. Ну а «трещина», она, сам понимаешь, имеет свойство разрастаться. Вот и разрослась до ядерной войны.

– «Язык до Киева доведет», говоришь? – задумчиво повторил Зигфрид. – Это что же, до войны доведет, что ли?

– Что? – Книжник удивленно поглядел на друга. – Что-то сбил ты меня с толку. В общем, отыщем местных и у них спросим. Найдем мы это Софрино.

– Хм... А насколько можно верить в то, что вырвалось изо рта покойника? – с сомнением произнес Зигфрид.

Книжник изумлению поглядел на него:

– Ты что же, только сейчас об этом подумал?

– Почему же? – Зигфрид пожал плечами. – Просто у меня нет основания доверять наемному убийце, да еще и мертвому в придачу.

– Что же ты идешь в это самое Софрино, если не веришь словам убийцы?

– Лучше идти в неверную сторону, чем стоять на месте, – сказал Зигфрид.

– Вот как? – семинарист пожал плечами. Логика веста показалась ему странной. – Ну, будем надеяться, что он не врал.

– А он мог и не врать. Просто не обязательно то, что он сказал, было ответом на наш вопрос.

– Вот как? Такое мне даже в голову не пришло.

– Ведь он мог назвать хоть место своего рождения, хоть место, где убил своего первого врага, – это слово может означать все что угодно.

– Возможно. Но не проще ли предположить, что он ответил именно на наш вопрос?

– Вот именно потому мы идем в Софрино. Это единственная информация, какая у нас есть. Значит, надо отбросить сомнения – и двигаться вперед.

Книжник покачал головой: он всегда знал, что у его друга железные нервы. Так они и шли молча, пока к парню не вернулось неприятное ощущение, будто кто-то наблюдает за ними. Какое-то время он сдерживался, убеждая себя, что все это чепуха, просто воспаленное воображение и ничего больше. Но встретил странный взгляд Зигфрида и спросил:

– Ты тоже это чувствуешь?

– Что за нами следят? – мгновенно отозвался Зигфрид.

– Ага...

– Есть такое дело, – спокойно сказал воин. – Ты только не дергайся, продолжай идти, как ни в чем не бывало. Я контролирую ситуацию.

Очень хотелось возразить: мол, знаем уже, что это за контроль. Очень не хотелось снова попасть в неожиданный «замес», в котором остается уповать лишь на удачу да на вовремя подоспевшую помощь. Так что беспокойство продолжало нарастать, и молчать становилось невыносимо.

– Кто это может быть, а? – тихонько спросил Книжник.

– Понятия не имею, – процедил вест.

– Нео?

– Не похоже. Можешь ты помолчать какое-то время?

Книжник прикусил губу. Похоже, приятель тоже начинает нервничать. А значит, худо дело. Видать, не так уж он и контролирует эту самую ситуацию, как хотелось бы. Значит, рас-

считывать надо и на собственные силы. Семинарист принялся вертеть головой по сторонам, высматривая в руинах подозрительное движение. Поначалу ничего не было видно. Потом вдруг показалось, что в слепом окне дома по левую руку мелькнула какая-то тень.

– Ты видел?! – указывая туда, сдавленно крикнул Книжник.

– Тихо ты! – оборвал его Зигфрид. – Видел. Но руками-то чего махать? Все, теперь они знают, что мы их заметили. Сейчас полезут небось.

И точно, теней стало больше. Пока еще неясно было, что или кто это, но в окнах на разных этажах, в дверных проемах, в ближайшей арке, активно задвигалось что-то живое, быстрое и многочисленное. Предчувствуя неладное, Книжник стянул с плеча арбалет. Зигфрид выразительно поглядел на него, но ничего не сказал. Значит, дело действительно дрянь.

Они продвинулись еще на сотню шагов, пока дорогу не преградило неожиданное препятствие. Поначалу трудно было сообразить, что это – огромное, сплошь из мятого, искореженного металла, нависавшее над головой длинным широким выступом.

До Книжника дошло. Это самолет. Большой, видимо, транспортный. Наверное, сбили над городом, и он рухнул прямо на эти кварталы. Этот «выступ» над головой – крыло. И турбина под ним. Принадлежность самолета уже не разобрать. Главное, что громадина перекрыла им путь. Это тупик.

И все активнее задвигались навязчивые тени. Они перестали казаться бесшумными – вокруг зашуршали, зацокали кирпичные обломки.

Неужто их нарочно загнали в ловушку? Всякие сомнения отпали, когда Зигфрид потянулся к рукояти меча. А вскоре показались и сами преследователи.

Разом, будто подчиняясь какой-то команде, из развалин по обе стороны улицы ринулись темно-серые потоки, быстро сливаясь в такую же серую массу, покрывая собой улицу. Трудно было поверить, что эта подвижная поверхность состоит из отдельных существ. По мере приближения к людям это становилось очевидно.

Твари были похожи на крыс. Наверное, это и были крысы-мутанты, совсем не похожие на тех же крысособак. Их отличали огромные размеры и странные конечности: Книжник насчитал по три пары у каждой особи. Но самым поразительным было отсутствие глаз. Мутанты ориентировались то ли по запаху, то ли еще по каким свойствам местности. Когда по ушам ударило ультразвуком, стало ясно, что здесь не обошлось без природного радара, вроде как у летучих мышей.

Все это было любопытно, но вряд ли волна мутантов надвигалась на людей с познавательной целью. И когда меж мрачных стен разнесся высокий, разрывающий перепонки визг, стало ясно: их снова собираются сожрать. Только на этот раз положение сильно ухудшалось из-за большого количества противников. Книжник водил арбалетом, понимая безнадежность задачи: болтов в арбалете было в несколько раз меньше, чем нападающих. Даже Зигфрид выглядел немного растерянным: одно дело сражаться пусть с сильным и опасным противником, но ограниченным числом. Когда врагов сотни – они непременно возьмут количеством.

Друзья попятились к самолету, так некстати перекрывшему путь. Когда Книжник спиной ощутил холодный металл, стало ясно: драки не избежать. И тут главное не думать о том, что это последняя драка в твоей жизни. Главное – бить точно в маленькую зубастую голову.

Все началось, как взрыв. Взрыв ярости, даже бешенства. С диким визгом волна мутантов чуть подалась назад – захлестнула их с головой. Книжник успел выпустить пару болтов прямо перед собой – и каждый из них насквозь пробивал первую тварь, намертво застревая во второй. Но через секунду одно компактное чудовище уже повисло на правом рукаве, вцепившись когтистыми лапами в ткань и щелкая челюстями. Парень заорал от боли: еще одно вцепилось в ногу, прокусив голенище сапога. Пытаясь стряхнуть тварь с ноги и отчаянно пиная других, Книжник успел развернуться к весту и сбить с его спины крысу, приноравливавшуюся вцепиться ему в шею. Выстрел получился удачным: удалось не только подстрелить опасную

тварь, но и не всадить болт в голову товарища. Все это несмотря на целую гирлянду мутантов, успевших повиснуть у него на руках.

На этом удача закончилась. Книжник уже не сдерживаясь орал от боли, чувствуя, что его начинают пожирать заживо. Уже несколько тварей терзали его тело, грозя добраться до крупных сосудов и поставить точку в этой неравной схватке. Зигфрид держался лучше – ему удалось нарубить не один десяток назойливых особей. Но было ясно: это ненадолго. Финал был близок.

Внезапно разом, повинуясь все той же необъяснимой силе, твари оставили их, в панике разбегаясь к руинам, забиваясь в щели, просачиваясь в узкие проходы между грудями разбитого кирпича. Чувствуя, как по коже струится кровь, Книжник, тем не менее, с жадным любопытством смотрел в дальний конец улицы, откуда пришло нечто так напугавшее серых убийц.

Там, в одиночестве замерло то, что в иное время напугало бы его не меньше, чем эти мерзкие особи. Но все познается в сравнении. Книжник оскалился в каком-то подобии улыбки и хрипло рассмеялся. Услышав его голос, жутковатое существо завиляло длинным голым хвостом.

Это была Грымза.

Глава 3

Паранойя

Книжник обессиленно опустился на землю и тихо рассмеялся:

– Вот, значит, кто следил за нами. А я-то думал... Тьфу ты...

Не разделяя его веселья, Зигфрид переложил меч из руки в руку, сделал шаг вперед со словами:

– Сейчас я ее прикончу.

Крысособака зарычала, чуть пригнув голову, уставилась на воина исподлобья красными глазами-бусинами. Зверюгу ничем не испугать, смерть для нее – просто составная часть жизни, и у нее нет сомнений в том, что умереть должен ее враг.

– Не надо, – жестом остановил его Книжник. – Это же Грымза.

– Ты, что же, знаешь эту тварь? – чуть удивился вест. Остановился, продолжая разглядывать зверя.

– Знаю.

– Она не кинется?

– До сих пор не кидалась. И ты же видел – она спасла нас.

– С чего ты взял? – Зигфрид презрительно сплюнул.

– А кто разогнал этих серых уродов? Или ты видишь здесь кого-то еще?

Зигфрид промолчал. На его лице читалось сомнение.

– У нее же, или у него, уж не знаю – крысиные гены, – продолжил семинарист. – Наверное, более мелкие твари воспринимают его как доминантную особь. Ну и боятся.

– Любишь ты умными словами жонглировать, – проворчал воин, пряча меч в ножны. – Ладно, пусть живет. Но лучше ей не приближаться ко мне. У меня на этих «доминантных особей» рефлекс – убью сразу.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Книжник.

– Надо бы найти укрытие, дух перевести, – оглядываясь по сторонам, сказал Зигфрид. Его взгляд остановился на выплывших цифрах на борту упавшего самолета. – Думаю, это старое корыто подойдет.

Подойдя ближе, он поддел мечом перекосившуюся дверь бортового люка, оказавшуюся теперь вровень с землей. Массивная дверь жалобно заскрежетала – и гулко грохнулась на асфальт. Теперь бортовой люк транспортника зиял мрачной черной дырой. Отличная нора для какой-нибудь твари. Книжник с сомнением поглядел на друга. Тот спокойно подошел к проему, положил руку на металл, прислушался. И полез внутрь. Из глубины грузового отсека донесся шорох и треск. Наружу вылетело и с глухим стуком упало на асфальт что-то грязновато-белое. Семинарист вздрогнул: это был череп какого-то клыкастого зверя. В темном провале снова показался Зигфрид.

– Порядок, – сказал он. – Все, что могло нам помешать, давно сдохло. Давай сюда!

Не без опаски парень полез внутрь. За его спиной тревожно заскулила Грымза.

– Не волнуйся и не скучай, – обернувшись, усмехнулся Книжник. – Подожди здесь. Если хочешь, конечно.

Оказавшись в большом, чуть накренившемся грузовом отсеке, он с интересом огляделся. Первое, что бросалось в глаза, – это обилие костей в полумраке под ногами. Они толстым слоем покрывали практически всю грузовую палубу.

– Здесь у них было логово, – пояснил Зигфрид.

– У кого – у них? – глядя на зубастый череп, проговорил Книжник.

– У этих монстров. Уж не знаю, как они называются. Да всех разве упомнишь? Они же постоянно меняются, потомство на предков уже не особо похоже.

– Ну, да. Мутации не прекращаются – виды то появляются, то исчезают...

– Вот и я говорю... – Зигфрид вертел в руке здоровенный череп, с любопытством изучая его. – Однако с этой стаей ловко расправились.

– И как же?

– А очень просто – дверь захлопнули – и все дела, – вест небрежно отбросил череп, указал на светлый проем двери. – Выход-то здесь один. Вот твари и передохли с голоду. А перед смертью еще и друг друга жрать начали – вон, следы от зубов на костях.

Книжник поежился, проговорил:

– И кто же их тут запер?

– А кто теперь узнает? Давно это было, вон, кости побелеть успели.

– А-а... – Книжника вдруг качнуло.

– Ты бы это, раны бы осмотрел, – оглядывая товарища, заметил Зигфрид. – А то бледный весь, еще сознание потеряешь.

– Да, точно, – проговорил Книжник.

Сбросил рюкзак на хрупкие кости. Сел и застонал, ощутив, наконец, боль в истерзанном теле. Зигфрид подошел ближе, критически оглядел его, заметил:

– Раны бы обработать. Подцепишь еще какую заразу.

– У меня в рюкзаке аптечка, – отозвался парень, подворачивая пропитанную кровью штанину. Под тканью оказался глубокий укус, из которого густо сочилась кровь. Он поморщился. – Как знал – живун-травы двойной запас захватил!

Хорошая вещь – живун-трава, и раны под ней затягиваются быстро, и дезинфицирует. Последнее – важнее всего, так как болезни в развалинах гуляют страшные. От одной заразы всю жизнь страдать будешь, умирая медленно и мучительно. От другой – сгниешь заживо, как какой-нибудь дамп. Но самое страшное – если попадется какая заразная дрянь, и притащишь ее, не заметив, в свой собственный дом. Ладно, если сам помрешь – невелика потеря. Но случались в Кремле такие эпидемии, что ставили на грань выживания целый народ. Так что к любой ране, особенно нанесенной дикими животными, надо относиться серьезно.

Тщательно обработав и перевязав раны, он поднялся на ноги. И первым отправился вперед – чтобы у веста не было сомнения в его силах. Меньше всего хотелось подвести друга, став обузой в трудном пути. А потому Книжник держался нарочито бодро, хоть и стоило это немалых усилий. Еще раз оглядевшись, Книжник кивнул в глубь отсека:

– А это что за ящик?

– Где? – Зигфрид проследил взгляд Книжника.

За грудой костей, плотно увитой побегами ядовитого плюща, просматривались очертания металлического контейнера с остатками облезшей маркировки. Друзья переглянулись. Не в их правилах проходить мимо таких находок.

– А давай посмотрим, – предложил вест.

Вдвоем они разгребли кости, добрались к контейнеру. Вокруг валялись обрывки прожавевших тросов. Наверное, груз был закреплен и, возможно, уцелел во время падения.

– Не могу открыть, – сообщил Книжник, безрезультатно пытавшийся оттянуть защелки крышки. – Прижавело, наверное.

– Ну-ка, дай я, – Зигфрид со звоном вынул из ножен меч, сверкнувший в полумраке светящимся металлом. Даже жаром от него пахнуло.

Семинарист предусмотрительно сделал шаг в сторону. Меч веста, закаленный в Поле Смерти – не просто оружие. Это универсальный инструмент, способный одолеть большинство известных материалов. Вот и сейчас металл контейнера зашипел, соприкоснувшись с раскаленным клинком, брызнул расплавленными каплями.

– Есть, – пряча меч в ножны, сообщил воин.

Книжник мгновенно вернулся на место. Замер перед крышкой, потирая от нетерпения руки. Было и любопытно, и в то же время страшновато. Сколько народу полегло, вот так, подавшись искушению заглянуть, куда не положено заглядывать. Если этот ящик сохранился со времен Последней Войны, хозяева вполне могли оставить в нем «привет с секретом», смертоносный сюрприз в виде мины-ловушки или баллона с ядовитым газом. Оставалось надеяться, что за последние двести лет ловушка пришла в негодность.

Семинарист зажмурился на секунду, выдохнул – и откинул крышку. Можно было ожидать увидеть что угодно, только не такое странное содержимое.

Перед ними было какое-то белое крошево. Книжник осторожно зачерпнул крошево ладонью. Это оказались очень легкие и теплые на ощупь шарики. Они были упруго-мягкими и неприятно скрипели в пальцах. Этим добром ящик был набит доверху.

– Что это такое? – недоуменно проговорил Зигфрид.

Парень напряг память, и откуда-то всплыло редкое по нынешним временам слово:

– Это пенопласт, кажется.

– Зачем он нужен?

Книжник пожал плечами:

– Вроде упаковки. Для хрупких предметов.

– Ты хочешь сказать, что транспортный самолет просто вез ящик с этим самым пенопластом?

Книжник уставился в белую кашу, произнес:

– Думаю, он вез то, что лежит в пенопласте. Что-то хрупкое.

– Или ценное, – закончил за него Зигфрид, с интересом вглядываясь в белую массу.

Не сговариваясь, они принялись вышвыривать пенопластовое крошево, пока под ним не показался металл. Какой-то непонятный, плотно сложенный механизм.

– На свету бы посмотреть, – предложил Книжник.

– А ну, взяли!

Это «нечто» оказалось кубической формы и на удивление легким, так что проблем с переноской не возникло. Протащив непонятную штуковину сквозь проем двери, положили ее на каменное крошево у борта транспортника. Теперь можно было рассмотреть ее со всех сторон. Толку, правда, от этого было мало. Единственное, что приходило на ум, – автомобиль, сплюснутый в куб гидравлическим прессом.

– Занятно, – почесывая в затылке, проговорил Книжник. Перевел взгляд на Грымзу, сидевшую совершенно по-собачьи в сторонке и наблюдавшую за странным предметом.

– Ничего занятного, – равнодушно сказал Зигфрид. – Со времен Последней Войны много хлама накопилось, во всем не разберешься. Так что оставь эту штуку и пойдем внутрь – темнеет. Надо успеть отдохнуть, чтобы с рассветом выдвинуться.

– Ага... – рассеянно отозвался Книжник. – Сейчас.

Взгляд притягивало плоское матовое пятно на верхней грани этого «мятого куба». Он интуитивно протянул руку и положил на «пятно» ладонь. Несколько секунд ничего не происходило.

И вдруг под ладонью что-то щелкнуло, и куб ощутимо завибрировал. Семинарист отдернул руку.

– Что там? – насторожился вест.

– Ожило, кажется...

Слово «ожило» подходило к происходящему как нельзя лучше. Поверхность куба пришла в движение, щели в складках от «смятого» металла начали расширяться, и стало понятно, что это не «складки» вовсе, а контуры сложного механизма, просто сложенного в компактную форму. Всего несколько секунд – и на месте куба появилось устройство, больше

всего напоминавшее металлическую стрекозу. Сверкнули фасеточные глаза-объективы, задрожали тонкие «лапки»-опоры, застрекотали легкие винты в кольцевых каналах – и механизм с легкостью подпрыгнул и взмыл в высоту.

– Сбежал, – глядя в небо, сообщил Книжник Зигфриду. – Это разведывательный дрон, робот. Такие были на вооружении НАТО.

– Я и сам уже понял, что это дрон, – усмехнулся Зигфрид, провожая взглядом улетающий механизм. – Надо было его прикончить, пока не вспорхнул.

– Зачем?

– На всякий случай. Мало ли кому он теперь о нас доложит.

Книжник лишь пожал плечами на это. Кому и что он может рассказать, если противники в минувшей войне давным-давно уничтожили друг друга? Полетает какое-то время, пока реактор не истощится или что там у него – да и грохнется. Так со всей техникой происходит, которую поддерживать в новом мире просто некому.

Вяло обсудив происшествие, вернулись в грузовой отсек самолета и прислонили на место отвалившуюся дверь. Грымза норовила залезть следом, но Книжник мягко выпихнул ее сапогом: уснуть рядом с живой крысособакой он бы не смог, хоть убей. Распределили дежурства. Первым досталось вздремнуть раненому. Книжник не возражал. Да и не смог бы возразить, потому что его просто-напросто вырубил, едва он растянулся на старых костях.

Впрочем, выспаться не очень-то получилось. Ночью у него поднялась температура, трясло, как в лихорадке. Давали о себе знать укусы руинных тварей. Полночи вяло жевал снадобья, запивая драгоценной водой из небольшого запаса. Уснул только под утро.

Зато проснулся неожиданно бодрым и готовым продолжать путь.

Так и двинулись дальше.

Вслед за людьми, на почтительном расстоянии, семенила Грымза. Это отчего-то раздражало Зигфрида.

– Мне не нравится, что она идет за нами, – сообщил он. – Можешь прогнать ее?

– Я пробовал, – виновато сказал семинарист. – Но она не хочет уходить. Вроде как ручная стала.

– Ты что, гладил ее, за уши тягал?

– Н-нет.

– Какая же она тогда ручная? Знаешь ведь, что крысопса приручить нельзя.

– Так это не я приручал. Это Отшельник. Ты же в курсе – зверье его любит, вроде как понимает. И подчиняется.

– Ах, Отшельник... Ну, если Отшельник, то пускай.

Вяло переговариваясь, они продолжали продвигаться на север. Остановились на краю огромной воронки – то ли от ракеты, то ли от авиабомбы. Взрывной волной вокруг впадины прилично расчистило развалины. Вокруг места взрыва было голо и пусто, не рос даже вездесущий ядовитый плющ. В глубине же воронки буйно цвела зелень – настоящий компактный лес. Похоже, растительность там даже шевелилась, и лезть туда не было никакого желания. Грымза неожиданно ушуршала вперед, вынюхивая что-то около воронки. И тут же из этого «леса» хлестко выскочили длинные и тонкие багровые отростки, неприятно напомнившие кровеносные сосуды. «Сосуды» явно пытались дотянуться до Грымзы, но та с ловкостью увернулась от нападения и помчалась дальше. Подумалось: если она возьмет на себя функцию разведки – будет неплохо. Существо крайне чуткое и агрессивное – любого врага почует и сразу в драку полезет.

Тем временем выстрелившие из воронки отростки, разочарованно шипя, поползли обратно, в гущу аппетитной зелени.

– В обход пойдем, – констатировал Зигфрид.

Словно угадав намерения несостоявшихся жертв, в их сторону выстрелило несколько таких же хищных отростков. Книжник шарахнулся назад, споткнулся о камень, попятился. Зигфрид даже не шевельнулся – будто знал, что отростки не дотянутся, а дрожа от напряжения, опадут в каких-то полутора метрах от него. Но вест, вроде, и не заметил этого. Казалось, он погружен в какие-то тяжелые раздумья. И точно, протянув руку растянувшемуся на земле другу, он сказал:

– Кто-то продолжает следить за нами.

– Да? – поднимаясь на ноги, растерянно произнес парень. – И кто же?

– Хотел бы я знать, – прищурившись, проговорил воин. – Ненавижу, когда подкрадываются. Пусть лучше все угрозы в лицо высказывают.

Над головой раздалось знакомое стрекотание: это пролетел оживленный Книжником дрон. Сделал круг над головами спутников – и ушел куда-то за ближайшие крыши.

– Ты не его имеешь в виду? – кивнув вслед улетевшей машине, спросил Книжник.

– Не считай меня идиотом, – отрезал Зигфрид. – За нами следят люди.

Он помолчал, поправил самого себя:

– Или те, кто считает себя людьми.

Последняя фраза не понравилась Книжнику. Потому что разумными существами в последнее время мнили себя не только люди, но и такие монстры, о которых лучше не вспоминать на ночь.

– И что будем делать? – спросил Книжник.

– Идти вперед. Но следует быть внимательнее. Такое ощущение, что ОНИ нарочно заманивают нас в ловушку. Сначала мародеры-нео, потом слепые крысы, теперь эта «хищная воронка»...

– погоди, – нахмурился Книжник. – Ловушки ведь на любом пути встречаются. Ты думаешь, это все не случайно?

– Я не верю в случайности. И – да, ловушки встречаются. Но никогда у меня не было чувства, что в них меня привели нарочно.

– Как же нас могли привести нарочно? У нас же ни проводника нет, ни заранее известного пути.

– Хотел бы я знать, – сказал Зигфрид. – Хотел бы...

После этого разговора у Книжника началось то, что называют манией преследования. За каждым углом, за каждым поворотом ему стали мерещиться неизвестные преследователи. Умом он понимал, что все не так просто, что слежка – даже если это не пустые подозрения Зигфрида – не была бы настолько явной.

Но больше всего тревожил вопрос: кто и зачем за ними следит? Это просто охота? Есть ведь на просторах Москвы любители такой забавы – те же дампы, к примеру. Или их хотят взять в плен? Тогда с какой целью? Связано ли это с целью похода? Но откуда «охотникам» стала известна эта цель?

Да и существуют ли они вообще, сами «охотники»?

Это была настоящая паранойя. К общему нервному состоянию примешивались легкая лихорадка и действие снадобий.

Впрочем, за последующие пару дней эта нервозность несколько поутихла. И без того проблем хватало: трудный переход по развороченным улицам заставлял целиком сконцентрироваться на движении. Зигфрид нарочно двигался самым неудобным и длинным путем – будто пытался обмануть придуманных им недоброжелателей. В какой-то момент Книжник стал сильно сомневаться как в их существовании, так и в способности Зигфрида адекватно воспринимать действительность.

Путь все больше напоминал затянувшуюся полосу препятствий на кремлевском полигоне для ратников. Ему что, Зиг – прирожденный воин, закаленный, как и его меч, в Поле Смерти.

Соперничать с ним могут только такие же, с пеленок взращиваемые ратники Кремля, у которых, между прочим, имеется особый D-ген, превращающий человека в настоящую машину войны.

А он, Книжник, – хилый задохлик, книжный червь, вообразивший, что может тягаться в выносливости и ловкости с настоящими воинами. В минуту слабости он даже сетовал на самого себя: чего это он полез на эти галеры? Ведь предлагали ему самую важную, самую «престижную» из всех должностей Кремля – сан Хранителя Памяти. Сан дарит всеобщее уважение и не требует никакого напряжения сил. Знай живи и радуйся, да занимайся любимым делом. Беда только в том, что любимым делом он выбрал себе суровый и неблагоприятный путь.

Путь воина.

– Куда мы лезем сквозь эти дебри? – задыхаясь, бормотал Книжник. Он продирался сквозь узкую щель в кирпичной стене. Впереди маячила спина Зигфрида. – Мы же так выдохнемся еще на полпути!

– Лучше устать, чем сдохнуть, – просто отвечал воин, запрыгивая на очередную грудку бетонных обломков.

– Но с чего ты взял, что за нами все еще следят? – карабкаясь вслед за ним на полуобвалившуюся стену, выдохнул парень. – С каких пор ты стал таким подозрительным?

Спрыгнув со стены на противоположную сторону, Зигфрид обернулся и, критически поглядев на Книжника, сказал:

– Ты сам навязался на мою голову. Я же говорил тебе – оставайся дома.

– Но я...

– Ты должен понять: для меня это слишком важное дело, чтобы погибнуть по недосмотру или глупости, не исполнив свой долг.

Книжник рухнул под ноги приятелю, поднялся, шатаясь, принялся неловко отряхиваться. Откуда-то сбоку вынырнула Грымза и тихонько заскулила, наблюдая за страданиями «хозяина» – если она действительно считала его хозяином.

– Видишь, даже крысопес не жалуется, – усмехнулся Зигфрид.

– Я тоже не жалуюсь, – сплевывая пыль, проворчал Книжник. – Скажи только: как ты определяешь слежку? Какие признаки видишь?

– Я не вижу. Я чувствую.

– Что? – брови Книжника чуть приподнялись.

– Знаешь, что такое интуиция? Опыт плюс инстинкт – такое не объяснить словами.

– Я знаю, что такое интуиция.

– Значит, ты поймешь меня, – подытожил Зигфрид и продолжил продвижение вперед.

В этом был он весь: минимум слов – максимум действия.

Не теряя темпа, они пересекли Садовое Кольцо: пост на переходе контролировали маркитанты, с которыми у Зигфрида были натянутые отношения. Но это был незнакомый клан, и обошлось без стычек. Пришлось просто расстаться с парой сверкающих золотых дисков. Маркитанты любили золото, и именно их силами поддерживалось его обращение на территории мертвого города. Впрочем, с тем же успехом можно было бы расплатиться консервами или патронами. Преимущество золота – в его компактности и универсальности. Двести лет прошло с момента краха цивилизации, но главное ее достижение продолжало жить и поддерживать хрупкие связи между оставшимися в живых.

Имя этому достижению – деньги. Величайшее изобретение человечества. То самое, что позволило достичь невероятных высот в экономике, науке, искусстве. То самое, что в итоге и погубило старый мир. Потому что любая война своей целью имеет все те же деньги.

А потому Зигфрид расставался с золотом без сожаления. Группа людей, одинаковых, как клоны, в своих черных очках и черных же плащах, вооруженных почти мистическими автоматами Калашникова, молча расступились, пропуская их. Они выглядели немymi роботами,

но не смогли сдержать эмоций, когда первой в открытый проход нырнула Грымза. Реакция на крысопсов у всех одна: «огонь на поражение». И эти тоже нервно вскинули стволы, но Книжник опередил их:

– Стойте! Это с нами.

Маркитанты нехотя опустили оружие: спорить с платежеспособными клиентами не в их правилах. Проводив путников взглядами сквозь темные стекла, со скрипом закрыли за их спинами полосатый шлагбаум. И словно в насмешку над всеми границами прошуршал в небе над ними одичавший разведывательный дрон.

Когда они подходили к МКАД, у Книжника неожиданно открылось второе дыхание. Черт возьми, он даже начал получать удовольствие от преодоления всех этих бесконечных препятствий! Руки и ноги окрепли, а может, просто научились двигаться рациональнее, экономнее и эффективнее. Так можно было двигаться сколь угодно долго, останавливаясь лишь на короткие передышки, чтобы хлебнуть воды да погрызть немного сушеного мяса. Самое главное – окончательно выветрились из головы все сомнения, да и вообще посторонние мысли.

Что ни говори, а умственная деятельность человека – это палка о двух концах. С точки зрения выживания вида разум дает ощутимое преимущество над всеми прочими тварями этого мира. Но для конкретного человека избыток разума – скорее тяжкая ноша, чем благо. Зверь живет просто: хочет есть – жрет, хочет спать – спит, надо идти – он просто крадется, не заморачиваясь рассуждениями о смысле жизни.

Не зря ведь классик сказал, мол, «горе от ума». Умный был человек Грибоедов. Даже слишком – будто сам напроорочил себе гибель. Оттого-то и растерзала его взбешенная толпа варваров – они не любят тех, кто не похож на них, на серую массу.

Книжник усмехнулся собственным мыслям: надо же, только порадовался тому, что избавился от паранойи, как снова начал выстраивать цепочку бесконечных ненужных рассуждений.

Весь этот поток сознания оборвали слова Зигфрида.

– МКАД!

Они остановились на вершине бетонного холма, образованного рухнувшей многоэтажкой. Их взгляду предстало грандиозное зрелище.

Отсюда, с высоты, открывалась перспектива, пересеченная полосой широченной дороги, плотно уставленной остовами мертвых автомобилей. Машин были сотни, тысячи – они тянулись во все стороны от колоссальной развязки, что сплела многочисленные транспортные пути в тугой запутанный узел. Удивительно, что развязка уцелела практически полностью, несмотря на то, что МКАД по обе стороны от нее была словно разрублена гигантским мечом: так прокладывали себе путь армады наступающих боевых биороботов. Правда, основной удар был нанесен с запада, отсюда, с севера, заходили сравнительно небольшие фланговые подразделения. Но даже в следах этого «вспомогательного» удара чувствовалась мощь, от осознания которой замирало сердце. Вспоминались мертвые бойцы из найденного недавно бункера – с какой же силищей им приходилось сражаться! Книжник невольно погладил нагрудный карман камуфляжной куртки – там хранился блокнот неизвестного погибшего майора.

– Можешь определить, где мы? – по-хозяйски оглядывая местность, спросил Зигфрид.

– Ну, МКАД...

– Сам вижу, что МКАД. Что это за эстакада перед нами?

– Сейчас... – Книжник закрыл глаза, пытаясь вспомнить рисунки развязок Московской Кольцевой, считанные им с древних схем.

Был такой период в его жизни, еще в Семинарии, когда он жадно изучал карты, запоминая пути и ориентиры – словно знал, что в скором времени все это пригодится в реальной обстановке. Правда, он не учел одного существенного обстоятельства: большинство старых ориентиров во время Последней Войны было уничтожено или изменено практически до неузнава-

емости. Именно поэтому возникла необходимость создания новых карт, в чем все больше и больше нуждались силы возрождающегося Кремля. Именно поэтому следовало использовать любую возможность, чтобы вырваться за пределы привычного, но уже ставшего тесным, мирка.

И теперь он как будто копался в разрозненной, пыльной картотеке, пытаясь отыскать в памяти нужную информацию. Кто-то утверждал, что память человека подобна компьютеру, но отчего-то собственную память семинарист ассоциировал именно с такой вот архаичной картотекой. Возможно, потому что не имел серьезного опыта работы с компьютерами – в Кремле их попросту не было. А может, потому, что осязаемые картонные карточки с данными, толстые тома книг, подшивки газет и карт – все это более осязаемое, источающее запах, стареющее, а значит, более живое, чем сухая информация компьютера. Настоящее.

И от этого схема, проявившаяся в памяти, сама собой оформлялась в нечто осязаемое – в живые улицы, дома, холмы и реки. И по ним потоком шли люди, двигались машины, бурлила жизнь... И конечно же все это обрывалось убийственными вспышками и вырастающими на горизонте ядерными «грибами». И уже топтали, мяли, рвали в клочья эту воображаемую карту гусеницы танков и стальные ноги биороботов, рвались снаряды и бомбы, сжигали все на своем пути лазерные импульсы. Всюду дым, кровь, смерть.

И открывая глаза, он видел один лишь итог этого воображаемого хаоса.

Мертвый город Москва.

– Есть... – прошептал Книжник. «Картотека памяти» не подвела, и теперь он по-новому осматривал окружающее пространство. – Это развязка с Ярославским шоссе. Шоссе ведет напрямик к Софрино. Так что, считай, перед нами прямая дорога!

– Не верю я в прямые дороги, – лениво заметил Зигфрид. – Напрямик только крысы бегут. Так крыс много, а я один.

И первым стал спускаться с бетонного «холма». Книжник какое-то время продолжал любоваться открывавшимся оттуда зрелищем.

Огромная дорожная развязка напоминала кровеносный сосуд, в котором, словно закупоривший его тромб навсегда остановили свой бег потоки скоростных машин. Сколько раз он пытался представить себе эти железные ручейки и реки, когда-то заполнявшие улицы. Удивительное дело: можно было просто сесть в одну из таких машин – и всего через час-другой оказаться на противоположной стороне Москвы! Сейчас на это потребуются дни, недели, и нет гарантии, что дойдешь живым. А еще были вертолеты, на которых тот же путь преодолевали за минуты – это уже похоже на сказки про ковры-самолеты и прочие чудеса, которые для людей прошлого были обыденностью. Он не знал – горевать ли по навсегда ушедшим временам или радоваться. В старых книгах писали о больших транспортных проблемах, о бесконечных «пробках» и загрязнении воздуха.

Странные все-таки были у людей проблемы. Экологические, экономические, социальные – куча умных слов и никакой конкретики. Неужели из-за них стоило начинать войну и уничтожать этот мир? Очень хотелось спросить: ну что, решили вы свои проблемы, недалекие предки несчастных потомков? Да только ответить некому. Сгинули все. Одни – быстро, в ослепительных атомных вспышках, другие – долго и мучительно, от голода и болезней ядерной зимы.

Осторожно продвигаясь вдоль широкой полосы потрескавшегося асфальта, они приближались к развязке. Зигфрид старательно избегал двигаться по более удобной поверхности, и приходилось, спотыкаясь, брести по грудам щебня на обочине шоссе. Вест справедливо полагал, что легкие пути ведут к смерти. В этом была определенная логика. Не зря ведь хищники с древности устраивали свои засады на разведанных путях к водопою. В этом мире все – хищники, в нем не осталось места травоядным и вегетарианцам – все они давно вымерли. Хочешь жить – охотись. Или жри падаль – это уж дело вкуса. Но не надейся остаться в стороне от лихо закрученной пищевой цепочки.

Мимо проползали остовы автомобилей. Надо же, сколько их сохранилось. В других районах Москвы их и не найдешь. Большая часть застыла по направлению к выезду. Видать, пытались эвакуироваться, да встали – сначала в колоссальной пробке, а после и сдохли окончательно от электромагнитного импульса – то ли компактный ядерный заряд по соседству грохнул, то ли враг специальный генератор включил. Второе вероятнее – иначе не уцелели бы все эти хитро закрученные эстакады.

– Ой! – Книжник схватился за голову. Засмотревшись на огромный ржавый грузовик, он ударился теменем о задранный ковш застывшего на обочине экскаватора.

Зигфрид даже не обернулся. Он шел напрямик под широкую эстакаду МКАДа. Семинарист двигался следом, потирая ушибленную голову. Солнце садилось, опускаясь к эстакаде, пока не спряталось за ней окончательно.

Они вошли в тень.

И тут же Книжника окатило ледяной волной предчувствия.

– Давай не пойдем туда... – проговорил он.

Зигфрид остановился, внимательно посмотрел на него:

– Что такое?

– Не надо туда идти.

– Почему?

– Помнишь, ты говорил о предчувствии?

– И что?

– Ну вот. Это оно. Предчувствие.

Зигфрид похлопал его по плечу, всматриваясь в полумрак под бетонными сводами. Машины там теснились особенно плотно, некоторые умудрились даже взгромоздиться на крыши других. Похоже, там случилась авария – но никто даже не заметил, все продолжали в панике давить на газ и переть вперед до последнего, и воздух был наполнен облаками душливых выхлопов, лихорадочными сигналами и воем сирен.

– У меня тоже предчувствие, – сообщил воин. – Только другого пути нет. Справа и слева завалы, там заросли хищных лиан и ядовитого плюща, еще какой-то дряни. Это единственный нормальный путь. Не бойся – проскочим!

Он ободряюще подмигнул приятелю, и Книжник неуверенно усмехнулся в ответ. Ну, раз Зиг говорит «проскочим», значит, проскочим.

Они осторожно входили под эстакаду. Это издали конструкции казались массивными, прочными, сделанными на века. Отсюда же было видно, что все это бывшее величие держится буквально «на соплях». Снизу сквозь трещины в полотне эстакад виднелось вечернее небо. Во все стороны торчали ржавые, истончившиеся металлоконструкции. Удивительно, как все это простояло столько времени и не рухнуло под собственным весом. А ведь к массе самих конструкций добавлялась еще и тяжесть сгрудившегося на них металлолома, некогда бывшего автомобилями. И вся эта масса была теперь над головой двух человеческих существ, хрупких сгустков живой плоти, казавшихся жалкими слизняками, вздумавшими прогуляться по стройке.

– Хватит вверх таращиться, – одернул его Зигфрид. – Давай быстрее проскочим это место – снаружи полюбуешься.

Быстро проскочить не вышло. Что-то над головой закрипело истошно, заскрежетало. И вдруг пришло в движение.

– Назад!!! – заорал Зифрид, хватая друга за шиворот и с силой волоча за собой в обратном направлении.

Поздно: путь им отрезал рухнувший вдруг на бок грузовик с гравием. Мелкое каменное крошево брызнуло, как шрапнель – и тут же начала рушиться пирамида из наваленных одна на другую машин. Одновременно сверху стали падать куски бетона, как дождь посыпались

обломки поменьше, поднялись облака цементной пыли. Что-то над головой оглушительно лопнуло – и по эстакаде пошли крупные волны, стреляющие мелкими обломками бетона. Зрелище было величественное и жуткое.

И еще показалось, что там, наверху, среди осыпающихся конструкций замерла темная человеческая фигура. Это настолько поразило Книжника, что он застыл в оцепенении. Спас его Зигфрид, буквально выдернув из-под рухнувшей балки.

– Туда!!! – Зигфрид толкал его уже в другую сторону – вперед и вправо.

Вперед – потому что другого выхода из-под рушащейся эстакады не было, вправо – потому что там, как казалось, было наиболее безопасное место – падало меньше обломков.

Вперед с ходу прорваться не удалось: с накренившегося полотна МКАДа посыпались машины. Это был настоящий дождь из ржавого металла – убийственный и непреодолимый. Единственный путь к спасению вел к основанию бокового ответвления эстакады, где она, отрываясь от поверхности земли, начинала набирать высоту. Туда и рванули, забились в самый дальний угол и замерли, наблюдая, как рушится вековая постройка.

Это было похоже на апокалипсис – по крайней мере, так казалось из тесной норы их убежища. Пространство наполнилось грохотом и ревом, земля под ногами сотрясалась, вздрагивала от ударов, все заволочло удушливой пылью. Еще через секунду пыль ударила в лицо, словно ее швыряли пригоршнями. Книжник закашлялся, пришлось прятать лицо за тканью куртки, Зигфрид просто прикрыл лицо ладонью.

Катастрофа продолжалась всего несколько секунд, но им показалось, что прошли часы. Все оборвалось единственным ударом – глухим, мощным, после которого сразу же пришла тишина.

И тьма. Полная, абсолютная тьма.

– Я что, уже умер? – зачем-то проговорил Книжник.

Наверное, чтобы просто услышать свой голос. Голос прозвучал глухо. Как в гробу. Он пошевелился и с ужасом понял, что ногу придавило что-то тяжелое. Неужто бетонная плита?!

– В таком случае, я тоже умер, и у тебя хорошая компания, – прозвучало рядом.

Тут же это «тяжелое» само собой сползло с ноги, оказавшись Зигфридом.

Книжник высвободил ногу, нервно хмыкнул:

– Ну, мы по крайней мере, живы, а это уже полдела. Осталась малость – выбраться отсюда.

– Не говори – сушая безделица.

Чиркнуло кресало, и трепещущий огонек лучины осветил тесное пространство – крохотный пузырек воздуха в мешанине железобетонного месива.

– Влипли... – озираясь, пробормотал Книжник, ощупывая треснувшую бетонную балку прямо перед собой. – Как выбираться будем?

Зигфрид не ответил. Он навалился на мощный железный профиль, поддерживавший боковую плиту. Тут же заскрежетало, что-то оглушительно лопнуло, и плита просела еще сильнее.

– На соплях все держится, – оглядывая свод из-под полуприкрытых век, сообщил Зигфрид. – Даже если я мечом попытаюсь путь проложить – все это рухнет нам на голову.

Теперь промолчал Книжник. Вспомнился вдруг тот человек на вершине эстакады. Или ему только показалось?

– Ты видел его? – тихонько спросил он.

– Кого?

– Незнакомца. Мне показалось, он наблюдал за катастрофой.

Зигфрид стремительно поглядел на него, в глазах сверкнуло отражение огонька лучины. Сказал:

– Вот как? Значит, мне не почудилось.

– И что это означает?

– Что нас все-таки заманили в ловушку, – Зигфрид сплюнул. – Надеюсь, они думают, что мы погибли.

– Почему?

– Потому что выбраться живыми нам не дадут. Не для того затевался весь этот спектакль с масштабными декорациями. А может... – воин запнулся, странно поглядел на друга. – Может, они и сейчас продолжают наблюдать за нами.

Книжник ощутил мерзкую волну страха, поднимавшуюся откуда-то от желудка. Паранойя возвращалась – и сейчас от нее уже некуда было ни спрятаться, ни скрыться.

– Что будем делать? – сдавленно проговорил Книжник.

– Главное – не паниковать, – вест зевнул. – Раз уж у нас появилось свободное время – нужно его использовать, чтобы отдохнуть и подумать. На свежую голову ведь лучше думается, верно?

Книжник тупо наблюдал, с какой основательностью Зигфрид устраивался у покосившейся опоры, с каким удовольствием потянулся и улегся, сунув под голову вещмешок, положив руку под голову и с прищуром уставившись вверх, словно там было летнее звездное небо, а не треснувшая бетонная плита, готовая в любую минуту превратить тебя в кровавое месиво. Не прошло и минуты, как воин заснул здоровым и крепким сном.

Семинаристу оставалось лишь завидовать: у него не такие крепкие нервы. Чтобы успокоиться, он поднял уголек от сгоревшей лучины и принялся бездумно выводить на бетонной плите какие-то рисунки. Глянул на собственные художества – и содрогнулся.

Сам того не желая, он изобразил мост и человека на нем. А вместо себя и Зигфрида – какие-то невнятные холмики с крестами. Что это такое, черт возьми? Могилы? Уж не кличет ли он сам на себя беду? А что это за огромный глаз, повисший надо всем? Символ неведомого нечто, что продолжает следить за ними, даже заживо погребенными в бетонном крошечке?

Книжник помотал головой. Проклятая паранойя – чем больше от нее бежишь, тем крепче она тебя хватает. И уже каким-то изощренным мазохистским удовольствием становится это рисование на стене, извлекающее наружу потаенные страхи. Он знал за собой эту слабость – царапать на бересте всякую чушь – это его успокаивало. Был бы он, скажем, прирожденным воином – таких проблем бы не было. Потому что разум ратника прост и ясен. А тот, кто строит из себя интеллектуала, всегда будет уязвим перед слабостями и страхами. Потому что природу не обманешь: коли она что-то дает тебе – то непременно что-то заберет взамен.

Вскоре он ощутил, что и рисунки не отвлекают от навязчивых мыслей – о том, что они, по сути, в западне, выбраться из которой практически невозможно. При мысли об этом сбивалось дыхание. Глупо было бы задохнуться не от недостатка кислорода, а от собственного страха.

Книжник сжал зубы. Что он переживает, как баба? Попадали люди и в более серьезные ситуации, когда действительно не было никакого выхода, но нужно было продолжать выполнять поставленную задачу – потому что так велит твой долг.

Рука сама нашарила в кармане потрепанную записную книжку в задубевшем переплете, «украшенном» дырой от пули. Пальцы погладили обложку. Вот человек был: знал, что гибель неизбежна, но продолжал до последнего тщательно записывать то, что считал важным.

Его вдруг пробрала дрожь от странной мысли: ведь погибший майор адресовал написанное не кому-нибудь, а ему, лично ему – единственному, кто отыскал эти записи! И, стало быть, не прервалась цепочка, связывающая воедино поколения защитников родной земли. И вот он сам, как тот погибший майор, загнан в угол, и единственное, что может сделать – передать эту цепочку следующему – тому, кто найдет этот блокнот!

Эта мысль придала Книжнику сил. Он пролистал дневник почти до конца. Записи обрывались темно-бурым пятном на странице. Следующая была чистая – если не считать отпечатка того же кровавого пятна.

У него не было ни карандаша, ни ручки – бумаги в Кремле не производят, а на бересте пишут острыми стилосами. Так что пришлось заново изобретать перо. Не особо выдумывая, он соскреб сажу со сгоревшей лучины, густо плюнул и замесил некое подобие чернил. В эту жижу и обмакнул стилос.

«Тому, кто найдет эти записи...»

Выводить буквы на бумаге железным острием было не просто. Он достал нож, разделил лучину на щепы, заострил одну из них и сделал тонкий надрез-каналец – как у древних гусиных перьев. Дело пошло лучше.

«Мы шли в направлении Софрино. Наверно, оттуда нам угрожает неизвестный враг. Мы очень хотели добраться туда, выяснить, какую угрозу он несет. Не вышло... – подумал немного и продолжил: – Если вы читаете это – значит, мы уже мертвы. Если вам не безразлична судьба человечества – сохраните этот дневник. Ведь в нем – частица нашей общей памяти.

Если вы нашли мои записи – передайте их в Кремль, князю, от советника по прозвищу Книжник. Или в Форт у кремлевских стен, девушке по имени Хельга. Я прошу прощения у тебя, Хельга, за то, что, уходя, не попрощался. Но ты поймешь меня...»

Он перестал писать, поняв вдруг, что изводит бумагу на какие-то сентиментальные глупости. Тот, кто вел этот дневник до него, писал только конкретные факты – именно поэтому его записи настолько ценны. Надо брать пример с погибшего майора.

Прикусив губу, Книжник вывел:

«Нас завалило – обрушился мост. Есть подозрение, что это чей-то злой умысел. А значит, Зигфрид прав: за нами следят. Если удастся выбраться – продолжим путь в направлении Софрино...»

Книжник перелистал несколько страниц назад – хотелось еще раз перечитать то место, где майор писал про этот населенный пункт. Но насторожился: почудился какой-то новый звук. Первой мыслью было: сдвинулись плиты над головой, и сейчас все рухнет, добив их окончательно.

Нет, на скрежет бетона непохоже. Похоже на то, что кто-то роет землю. Неужто неизвестный решил убедиться, что они мертвы? Или хочет добить их? Книжник с беспокойством прислушивался: звук явно приближался. Стало не по себе.

– Зиг! – сдавленным голосом позвал он. – Ты слышишь?

Вест не шелохнулся. Парень бросился к нему, принялся трясти товарища, бормоча:

– Просыпайся! Да просыпайся ты!!!

Без толку. Трудно было представить, что могучий и ловкий воин способен спать настолько крепко. Всегда казалось, что сон Зигфрида – необычайно чутко, что в момент угрозы друг проснется мгновенно и схватит меч, даже не успев открыть глаза. Так было всегда – но только не сейчас. Это роющее нечто было уже совсем близко – а Зигфрид сладко посапывал, словно у себя дома, в Форте. Черт возьми, уютно ему под этими завалами, что ли?!

Книжник отпрянул к нагромождению бетона, судорожно поднял арбалет. Щелкнул рычажком самовзвода – и электропривод с тихим гудением взвел тетиву. Щелкнул, выскочив из магазина, короткий острый болт. Оставалось прицелиться туда, откуда должен был показаться враг, – и, сжав зубы, ждать неизбежного.

Долго ждать не пришлось. Земля под противоположной, криво воткнувшейся плитой, ощутимо вспучилась раз, другой – и стала расползаться, образуя нечто, вроде земляного кратера. Семинарист, холодея, подумал: нет, это не человек. Это какая-то подземная тварь, вроде гигантской многоножки или стальной сколопендры. Последнее – совсем хреново. Сколопендру не подстрелишь с одного выстрела. Можно даже пополам ее разрубить – и обе половины просто продолжают тебя атаковать.

И оно полезло – упругими толчками, разбрасывая землю, пробиваясь на воздух, прямо к оцепеневшей жертве.

– Зиг!!! – заорал Книжник. – Да что же ты!!! Оно же убьет нас!

Зигфрид лишь заворочался в своем углу. В слабом, дрожащем свете лучины жуткое нечто полезло из земли, и Книжник, не выдержав, заорал – и выстрелил.

Его руки тряслись – и он промазал.

Очень удачно промазал. Потому что уже через пару секунд его лицо яростно облизывали шустрым языком – длинным, слюнявым, отвратительно пахнущим. Но облизывали совершенно беззлобно, с какой-то придурковатой преданностью.

– Стой! Не надо! – парень отчаянно отбивался, слыша восторженное щенячье повизгивание.

Пока до него не доперло: это же Грымза!

– А ты здесь откуда? – оттолкнув, наконец, назойливо-восторженное чудище, проговорил он. – По запаху, что ли, нашла?.. Что, не дожدهшься, когда сожрать нас сможешь? Так погоди – скоро мы окочуримся – побалуешься человечинкой...

Он запнулся, уставившись на черную дыру подкопа. Перевел взгляд на пугающую крысиную морду с огромными клыкорезцами, торчащими из подвижной пасти. И что-то новое разглядел в этих уставившихся на него неподвижных красных глазах.

Это страшноватое существо появилось здесь неспроста.

Оно пришло, чтобы спасти их.

Глава 4

Чащоба

Пробираться сквозь крысиную нору – удовольствие на любителя. Крысопсина копала под себя, и на человека этот путь явно не был рассчитан. И хоть Грымза имела массивное мускулистое тело, Книжник чуть ли не силой проталкивал себя через узкий лаз, рискуя застрять и похоронить себя заживо. Эта мысль заставляла еще активнее скрести руками и ногами и ползти во мраке, яростно сплевывая землю и стараясь не впасть в панику.

Страшнее всего было то, что Зигфрид быстро ушел вперед, оставив его одного в сковывающем, удушливом мраке. Удивительно, конечно, как этот воин, в два раза шире Книжника в плечах, с такой ловкостью просочился сквозь мрачную червоточину, да еще и волоча за собой на веревке снаряжение – и свое, и спутника. Тут, видать, сказывалась общая физическая подготовка веста. Семинарист же начал уставать и задыхаться уже через несколько метров пути. И в какой-то момент понял, что продолжает вяло месить грязь, почти не двигаясь с места. Сделав отчаянное усилие, продвинулся еще немного – и ощутил, как медленно сползает обратно: ход здесь шел вверх, с крутым уклоном. Ни вторая, ни третья попытка не увенчалась успехом, и он уже был готов завывать от отчаяния, когда раздался глухой голос:

– Эй, что ты там копошишься, насекомое? Цепляйся за трос!

Книжник принялся судорожно шарить перед собой, но не обнаружил никакого троса. Зато услышал приближающееся частое дыхание и ощутил, как в лицо ткнулось что-то горячее, мокрое, защекотавшее длинными тонкими усами.

– Чего тебе, Грымза? – прохрипел он, отталкивая мокрую вонючую морду, которая мешала ему дышать.

И наткнулся ладонью на торчавший из пасти кусок веревки. Вот оно что – Грымза снова пришла, чтобы его спасти! Однако это становится славной традицией. Мутант, спасающий человека – это прямо-таки повод для отдельного исследования. Может, не так уж и правы наставники, утверждавшие, что приручение этого «дьявольского отродья» невозможно по определению? Ведь такие сильные и хорошо приспособленные к агрессивной среде союзники могли бы оказать неоценимую помощь в «реконкисте» возрождающегося человечества...

Вяло размышляя об этом, Книжник отметил, что Грымза умчалась обратно. Крепко намотав веревочный конец на руку, он крикнул:

– Тяни!

Несколько болезненных рывков, унижительное волочение в глубине земляной «кишки» – и перед глазами показались звезды. Нет, не в фигуральном смысле, а самые настоящие звезды, сверкающие в ясном черном небе. И ничего не было приятнее первого глотка свежего ночного воздуха.

Они позволили себе повалиться на жухлой траве, пялясь в звездную бесконечность. Молчали. Даже не потому, что условились вести себя тихо (а это было необходимо – ведь поблизости могли быть те, кто устроил грандиозную ловушку). Просто бывают такие минуты, когда стоит помолчать.

Книжник поймал себя на мысли, что до этого редко смотрел на небо. То ли потому, что вечно времени не было, то ли оттого, что всегда приходилось прятаться, бояться открытого пространства. Ведь и из этого прекрасного неба может обрушиться беда в виде крылатых хищников. Не зря ведь в Кремле круглосуточно дежурят зенитные установки.

Но сейчас он не ощущал страха. Он видел лишь эту грандиозную красоту. Звезды еле заметно мерцали. Медленно проползла по небу крохотная звездочка.

Спутник. Некоторые из них все еще кружат на высоких орбитах, брошенные и всеми забытые. Ведь там, в космосе, тишина и покой. Там даже не заметили свершившейся на Земле катастрофы. Впрочем, автоматам плевать на человечество, они просто выполняют поставленные задачи. Некоторые из них все еще пялятся на поверхность планеты холодными объективами, передавая данные в мертвые командные пункты. Воображение рисовало ряды скелетов в истлевшей форме, все еще пялящихся в черный экран бездонными, как космос, черными глазницами.

А ведь некоторые из небесных боевых машин по-прежнему таят в себе смерть и готовы обрушить на многострадальную поверхность потоки испепеляющей энергии.

Плевать на спутники, главное – звезды. Далекие, бесконечно далекие миры, на которых, возможно, тоже есть жизнь. Хочется верить, что куда более счастливая, чем на Земле.

– Хорош валяться, – тихо сказал Зигфрид. Он уже был на ногах и оправлял амуницию. – Нужно идти дальше.

Превозмогая усталость, Книжник поднялся на ноги, огляделся, спросил:

– Никого не заметил? Как ты думаешь, они отстали от нас?

Зигфрид помолчал немного, ответил:

– Да ничего я не думаю. Надо просто идти. Если ОНИ решили, что мы сдохли, то это дает нам преимущество, которым надо пользоваться.

– Согласен, – кивнул Книжник. Поймал взгляд светящихся в темноте красных глазбусин. – Что смотришь, Грымза? Давай вперед, на разведку!

Зверь мгновенно сорвался в бег и скрылся в темноте.

– Я никак в толк не возьму, – глядя ей вслед, проговорил Зигфрид. – Она действительно все понимает? И реально выполняет твои команды?

– Сам не знаю, – признался Книжник. – Но в любом случае, это не моя заслуга. Спасибо Отшельнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.